

18+

Александр Косарев

Бронзовый крест, золотая печать

Александр Косарев

Бронзовый крест, золотая печать

«Издательские решения»

Косарев А.

Бронзовый крест, золотая печать / А. Косарев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-672704-5

В наши дни почему-то принято считать, что все загадки и тайны прошлых веков давным-давно разгаданы и занесены в анналы научных трактатов. Но в поле зрения кладоискателей то и дело всплывают потрясающие воображение истории. Предлагаю вашему вниманию одну из них о поисках сокровищ графини Перси-Френч. Только в 2000-х годах эта загадка была наконец-то описана одним из участников тех событий. Итак, читайте и узнавайте, на что указывали бронзовый крест и золотая печать, оставленные нам тамплиерами!

ISBN 978-5-00-672704-5

© Косарев А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая.	6
Глава первая.	6
Глава вторая.	15
Глава третья.	27
Глава четвёртая.	42
Глава пятая.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Бронзовый крест, золотая печать

Александр Косарев

«Истина освободит вас...»

© Александр Косарев, 2025

ISBN 978-5-0067-2704-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Последняя из рода Френчей

*«Malo mori quam foedari»
(Предпочитаю умереть,
нежели обесславить)*

Глава первая. Письмо из приволжской провинции

С того момента, как я каким-то чудом вырвался из чересчур крепких объятий славного городка Энска, где столь счастливо отыскал, а затем столь же неудачно потерял обнаруженные там сокровища (книга «Закон землеройки»), прошло более полугода. Раны мои затянулись, синяки и ссадины сгладились и рассосались практически бесследно. Вроде бы ничто и не напоминало о той моей неудачной поездке. Но, разумеется, исчезли лишь внешние признаки прошлогоднего катастрофического провала. В душе я переживал свои промахи точно так же как и раньше. На этой почве даже стал реже встречаться со своим школьным приятелем – Михаилом, который не упускал случая намекнуть на мою опрометчивость. И надо же было такому случиться, что в начале весны именно он вывел меня на новый кладоискательский сюжет.

Весна в тот год была на редкость ранняя и дружная. Видимо по этому случаю, Миша Воркунов решил открыть дачный сезон в начале мая. Обычно накануне этого знаменательного события, то есть ранним субботним утром в свои «обширные» шестисоточные владения отправлялся сам владелец крохотной деревянной дачки. Там он весь день усиленно протапливал отсыревшие за зиму помещения, состоявшие из спальни, кухни-прихожей и узенькой верандочки.

Именно из-за тесноты все мероприятия по встрече сезона отпусков, обжигающего солнца и свежей смородины обычно проводились им на свежем воздухе. Для этого под одичавшими яблоньками было расчищено небольшое пространство, на котором стоял самодельный стол и две широкие деревянные лавки. На этих лавках можно было не только сидеть, но и в случае необходимости даже лежать, переводя дух после излишне сытного обеда. На этом же столе нарезались лёгкие закуски (благо садовый водопровод расположен рядом), а горячее блюдо готовится чуть поодаль, около небольшого кирпичного гаражика, пригодного лишь для хранения мотоцикла с коляской.

Поскольку сам глава небольшого семейства Воркуновых уже поджидал меня в окрестностях Апрелевки, то, естественно, мне пришлось заезжать за его супругой – Натальей. Это тоже стало своего рода неписанной традицией. Оно и понятно. Всё же в одиночку ей было бы крайне несподручно тащить сумки со съестными припасами. Ведь путь нам предстоял вовсе неблизкий, причём с многочисленными пересадками и неизбежными по московской давке заторами. Судите сами. Вначале троллейбусом до метро Полежаевская, далее уже на метро до кольцевой, а после ещё и пересадка на Киевской. А потом из глубины подземки по переходам следовало подняться в помещение билетных касс. Очередь отстоять, потом с билетом пробиться через так называемые пропускные автоматы. Всю жизнь мечтаю посмотреть в глаза тех мерзких гадов, которые придумали эти дьявольские машинки. Руки бы им оторвал и засунул, сами знаете в какое место!

Потом, правда становится несколько легче. Электричка за какой-то час привозит нас прямо к платформе станции Дачная. Однако за этот час бедным пассажирам приходится выслу-

шать невесть что и непонятно за какие прегрешения. Целая армия, безмерно расплодившаяся за годы экономического бардака пригородных зазывал и розничных торговцев, сменяя друг друга, зычными голосами беспрерывно расхваливают свой сомнительный и по большей части абсолютно ненужный товарец. Но вот вроде и всё, конец мучениям. Поезд тормозит, с шипением раскрываются двери вагона и в лёгкие врывается совсем иной на вкус воздух. Ух, теперь надо прошагать минут двадцать по изрядно размочаленным дорожкам бывшего дачного посёлка Генштаба СССР и мы наконец-то на месте.

Михаил встречает нас у дверей (хвала изобретателям мобильной связи). Он перехватывает сумки у супруги, мимоходом кивает мне, и через десять минут мы все дружно приступаем к приготовлению воскресного обеда. Столь же, разумеется, традиционного, как и всё остальное. На первое полагается пожарить шашлык. Заготовку его и последующее приготовление я беру на себя. Порции невелики, всего по 2—3 шампурчика на человека. Ведь следующим блюдом обычно выступает жареная курица в итальянском соусе. К этому как бы основному набору обычно варится картошка, нарезается тазик свежих овощей, достаются маринованные с прошлой осени грибочки, вскрывается банка оливок, а упаковка мочёного чеснока придаёт всем блюдам нужную тонко хрустящую консистенцию. Проходит где-то два часа и лукуллово пиршество начинается. Дружно выпивается по рюмочке Кагора №32 и на некоторое время лишь аппетитное чавканье слышно проходящим за нашим забором случайным прохожим.

Посиделки наши и в тот день оказались бы вполне заурядными, если бы не одно маленькое событие, которое впоследствии вылилось в настоящую поисковую эпопею, полную опасных приключений и неожиданных путешествий. Старт всей дальнейшей кутерьме дало обычное письмо, отыскавшееся в привезённой нами толстой пачке газет и рекламных буклетов. Случилось это, когда корреспонденцию взялся разбирать Михаил в ожидании появления долгожданного чая.

– О, Наташ, – удивлённо воскликнул он, поднося конверт ближе к глазам, – да кажись, Пашка тебе письмо прислал!

– Почему именно мне, – несколько недовольным тоном отозвалась та, – ведь он нам обоим пишет!

– Но почему-то начинает свои послания тем, что кланяется именно тебе, – вполголоса буркнул в ответ мой друг.

– Почитай пока, что он там пишет, – крикнула с открытой веранды занятая с самоваром Наталья, – только вслух, я отсюда послушаю.

– И кто это такой? – поинтересовался я, сразу же подумав о том, что слушать чужие письма вроде как неприлично.

– Племянник по отцовской линии, – подцепил клапан белого прямоугольника зубцом вилки Михаил, – из Сызрани. Обычно от него лишь поздравительные открытки приходят к Новому году, да иной раз на мой день рождения пару строк черкнет, а тут, гляди, на целое письмо расстарался. Денег, что ли попросить хочет? Сейчас посмотрим...

Он вынул густо исписанный лист бумаги и, что-то шепча под нос, подвинулся так, чтобы падающая от листвы тень не мешала чтению. Не желая быть невольным слушателем точно не мне адресованной корреспонденции, я поднялся и двинулся к гаражу, около которого всё ещё чадил мангал.

– Стой, Саня, – буркнул мой приятель, не отрывая взгляда от неровных строчек, – не уходи, тут и про тебя кое-что пишется.

Я вновь плюхнулся на скамейку.

– *Дядя Миша благодарите от моего имени своего друга за интересную книгу, – со значением в голосе произнёс он, – прочитал её с превеликим удовольствием. Даже не верится, что вы сами участвуете в таких головокружительных приключениях. Всегда хотел самолично ввязаться в нечто подобное. Но пока не судьба, больше приходится*

о хлебе насущном беспокоиться. Кстати сказать, в нашей стародавней провинции тоже есть весьма занимательные сюжеты для подобных романов. Совсем недавно мне довелось побеседовать с одним очень интересным стариканом. Такой совершенно древний дед, а припомнил крайне увлекательную историю о пропавших во время революции сокровищах, которую не каждый писатель сочинит. Возьмите себе на заметку, вдруг пригодится информация.

А вот ещё, – пододвинулся ко мне ближе Воркунов, – уже точно тебе руководство к действию.

Уже прошло больше полугода, как начал выезжать на практику в окрестные районы. Меня прикрепили к сотруднику газеты, который в следующем году собирается уходить на пенсию. Так что он, в определённой мере, меня натаскивает. Проверяет стиль изложения, требует краткости и объективности. Посещаем с ним окрестные населённые пункты, берём интервью у населения, а по возвращению готовим статьи. Самая интересная встреча у меня была на днях в деревне Вельяминовке, куда мы приехали поговорить с директором молочной фермы. Напарник мой сразу окопался в начальственном кабинете, а меня отправил в народную гуцу. Пообщался с несколькими доярками, кое-что отметил для себя, а когда выходил во двор, ко мне сам подошёл пожилой мужчина в потрёпанном пиджаке с орденскими колодками.

Озираясь, отвёл меня в сторону и сам принялся расспрашивать о том, в какой газете я работаю и часто ли бываю в Ульяновске? Я, естественно, поинтересовался, с какой целью он ведёт свои расспросы. В ответ тот попросил меня (мол, представители прессы наверняка имеют большие возможности) поспособствовать ему в поисках оригинального плана загородной усадьбы некоей графини Перси-Френч. При этом всячески пытался меня заинтересовать, обещая рассказать про некогда спрятанные на её территории ценных вещах. Конечно, я пообещал по мере сил ему поспособствовать, хотя пока не очень понимаю, что могу сделать.

Впрочем, наверное, это вам не очень интересно, вы ведь сами сочинительством не увлекаетесь... Если бы ваш друг согласился взяться за расследование данного случая, то, возможно, по результатам можно будет написать как минимум серию статей, а то и целый приключенческий роман.

– Ну, что скажешь, – поинтересовался Михаил, видя, что я сижу в глубокой задумчивости, – правда, любопытно?

– Что именно? – очнулся я от сытого оцепенения.

– Ну, его рассказ, про якобы спрятанные сокровища. Тем более там фигурирует целая графиня, не помещица какая-нибудь захудалая..., у неё, небось, много чего в имении было-то!

– Может и много, – пожав плечами, ответил я, – вот только так, за глаза утверждать что-то определённое, невозможно. Ты сам-то когда-нибудь раньше слышал об этой даме?

– Нет, никогда.

– Вот видишь, и я никогда. Поэтому для начала нам придётся изрядно покопаться на книжных полках в поисках сведений об этой..., как бишь её..., Перси-Френч. Фамилия у неё, конечно, не рядовая, глядишь что-нибудь и отыщем. Ведь в школе нам учителя истории больше про заслуги товарищей Ленина, Щорса и Будённого рассказывали, а про князей российских и графьёв они почему-то умалчивали. Так что не будем торопиться с выводами, постараемся хотя бы что-то выяснить про интересующую нас персону, а там посмотрим.

Чтобы слегка растрясись, мы отправились на прогулку по пустынным улочкам посёлка, во время которой Михаил демонстрировал мне местные достопримечательности. Но постепенно разговор свернул совсем в другую сторону.

– Отец, помню, рассказывал, как их соседа в деревне раскулачили. Сослали нормального непьющего мужика только за то, что у того было две коровы и три лошади в хозяйстве!

– Да что там соседа, – согласно закивал я, – моего собственного деда едва таким же образом не уничтожили. А у него в то время было пятеро детей на иждивении! Мало того, он лежал больной с высокой температурой. Всё равно, не поленились, выволокли на улицу и даже телегу для отправки в лагерь подогнали. Хорошо, вступились жители деревни и отстояли беднягу. И после таких «подвигов» господа коммунисты ещё удивляются тому, что в девяностых их власть никто не поддержал! Пусть лучше тихо радуются тому, что не развесили на столбах в назидание всей прочей людоедской братии.

– Иными словами, – мигом понизил голос мой приятель, – надо бы нам подумать, как отсюда по-тихому слинять?

– Слинять было бы лучшим выходом, да только такую голытьбу вроде нас, на сытом западе никто не ждёт. Туда надо ехать с чем-то солидным в кармане, желательно в твёрдой валюте.

– Где же взять такое «солидное»? Мою двушку в «хрущёвке», разумеется, можно продать, но с этого не разбогатеешь. Конечно, пару лет где-нибудь в тёплой Греции можно будет продержаться на овощах и фруктах. А дальше что? Опять на русские галеры наниматься?

Воркунов умолк, и некоторое время шаркал ногами, понуро глядя на выщербленную мостовую.

– А может быть, графиня нам поможет слегка разбогатеть, – не выдержал я паузы, – может сейчас что выгорит? Не на этот ли вариант намекает твой родственник?

– Да что ты, – небрежно взмахнул рукой Михаил, – мне все Пашкины намёки представляются полной лабудой. Не обращай внимания.

– Почему же?

– Так ведь наш Павлуха по жизни большой фантазёр. К тому же, закончил какой-то заочный литературный факультет и сейчас проходит стажировку в местной газете. Грезит сенсационными статьями и по ходу дела собирает по окрестным деревням местный фольклор. Видать и эту байку где-то накопил среди тракторов и овинов. Глупости всё это, обычное ребячество...

– Не скажи, дружок, – горячо возразил я, – как показывает жизнь, случаи всякие бывают. Взять бы хотя бы мое прошлогоднее путешествие в Энск. Начиналось-то всё с одной-единственной серебряной пули с местного кладбища, а во что потом вылилось! Ты подумай сам, я же рассказывал. Если такое количество всевозможных ценностей и удивительных раритетов обнаружилось в, никому толком не известном, городишке, то трудно представить себе, что может отыскаться в закромах самой настоящей графини!

– Думаешь? – беспокойно завертел головой Михаил. Так ведь ты же всё равно всё упустил, и хорошо, что счастливо отделался. Хотя..., не всю же дорогу нас будут преследовать неудачи! Должно хоть раз и повезти. А в принципе он парень серьёзный, – в задумчивости обхватил он пальцами подбородок, – не трепач какой-нибудь. Но подозреваю, он и сам не слишком осведомлён. Черкнул только несколько строк, вот и всё. Так что...

– Так что можно будет написать ему, – подхватил я его неспешную мысль, – и задать несколько наводящих вопросов.

– Не вижу особой необходимости в такой срочности. Писульку я ему, разумеется, отпишу, однако расспрашивать о давно почившей старушке..., мне кажется не слишком тактично.

– Ну, ты брат, даёшь! – демонстративно пожал я плечами. Кто знает, какие сведения достались вашему Павлу? А вдруг речь идёт об уникальной информации, которая поможет нам реально отыскать совершенно необычные и дорогие раритеты! Ты подумай и долго не тяни кота за хвост! А то, как меня критиковать за неизбежные промахи и неудачи, так ты первый, а как появилась возможность раскопать что-то самому, то тебя будто подменили. Кто знает, а вдруг представляется шанс в одночасье выбиться в люди? Пройтись в белых штанах по улицам Рио-де-Жанейро, выпить чашечку кофе на Эйфелевой башне, позагорать на пляжах Ака-

пулько? Жизнь, дружок, у нас всего одна, и добрую её половину мы с тобой уже бездарно растратили. Вначале дружно строили социализм, а потом безжалостно его разрушали. Пора бы уж перестать заниматься подобной ерундой и попробовать осуществить нечто более нужное и разумное.

Больше о письме сызранского племянника мы в тот день не вспоминали. Однако в электричке, воспользовавшись тем, что Воркуновы безмятежно задремали под стук колёс, я быстро переписал обратный адрес Павла с конверта в свою записную книжку. Адрес был довольно простой: Сызрань, улица Лазо, такие-то дом и квартира, а фамилия корреспондента была ещё проще – Зацаринный. Редкая фамилия, запоминающаяся с определённым намёком, мол, мы не где-нибудь, а прямо за царями стоим!

В тот же вечер и подготовил своё коротенькое, но конкретное письмо. Ждать, когда раскачается Воркунов, я не стал. Составил деловое послание с предложениями всяческого содействия в поисках и наутро сбросил его в почтовый ящик, после чего как-то мгновенно забыл о нём и думать. Бежали дни, давили проблемы на работе и, мелькнувшая было на горизонте полурасплывчатая тень старорежимной графини, практически растаяла в смрадном московском воздухе. К моему удивлению первым, кто не выдержал моего продолжительного молчания, оказался именно Воркунов. Вскоре он позвонил и даже не поздоровавшись, осведомился: – Ну, и что ты об этом думаешь?

– О чём ты? – не понял я.

– Ну, о письме, по поводу графини, разумеется! – эмоционально воскликнул он. Вот послушай, что я сегодня отыскал. Да, тут к нам на кафедру приходили компьютерщики, что-то там чинили. Так вот, один из них посоветовал мне пользоваться поисковой системой «Нигма». Мол, с её помощью проще простого отыскать сведения о любом человеке. Я тем советом и воспользовался, никак, понимаешь, не шла у меня эта история из головы. Вот, послушай, какую информацию я оттуда выудил.

– Екатерина Перси-Френч, – несколько заунывно начал он, – значимое имя для истории Симбирской губернии и Великобритании, где она известна как Кэтлин Эмилия Александра. Подлинные факты из жизни Екатерины Перси-Френч и ее двоюродной ирландской сестры Розан представил ульяновской общественности историк из Ирландии Билли Мюррей. Визит господина Мюррея наделал много шума в нашем городе, поэтому на встрече с историком в конференц-зале Ульяновской областной научной библиотеки яблоку негде было упасть. Приехали даже жители Тереньги, где до сих пор сохранились здания общественной библиотеки и госпиталя, построенные на средства Екатерины Перси-Френч. Отец Екатерины – ирландский дворянин Роберт Максимилиан Перси-Френч – дипломат при британском правительстве, служил в Мадриде, Париже, Санкт-Петербурге. Именно в Петербурге Роберт познакомился с матерью Екатерины – симбирской потомственной дворянкой Софьей Александровной Киндяковой. В 1864 году родилась Кэтлин Эмилия Александра. Семья имела поместье в Симбирске Киндяковка и фамильный замок Монивей в Ирландии. Кэтлин была наследницей всего этого богатства. Она жила то в России, то в Ирландии. А в юношеские годы выбрала для постоянного проживания Киндяковку. Екатерина Максимилиановна, так ее называли в губернии, превратила имение в образцовое хозяйство. Часть доходов тратила на благотворительность и меценатство. Помогала симбирским учебным и богоугодным заведениям, возглавляла Симбирское же общество христианского милосердия, была попечительницей общества Красного Креста.

По окончании строительства родового мавзолея в Монивее в 1916 году Кэтлин отбыла в Симбирск, чтобы прожить там спокойную жизнь, но это ей не удалось. В России в октябре 1917 года грянула революция. К естественным душевным волнениям добавился арест и обычная для тех времён конфискация имущества. Из революционного Симбирска ей помог бежать в Ирландию дальний родственник из династии Перси-Френчей. К огорчению Кэтлин, в Ирлан-

дии так же полным ходом шли военные действия. «Сбежав от одной революции, я не думала, что окажусь в другой», – сокрушалась по этому поводу Екатерина Перси-Френч.

Не выдержав еще одной войны, она эмигрировала в заполненный русскими беженцами Харбин. Там она и умерла в ноябре 1938 года. Перед смертью Екатерина написала завещание, в котором на правах наследницы передавала Монивей государству, обойдя тем самым интересы своей сестры. Та опротестовала его встречным иском, который суд удовлетворил. Но Розан так и не довелось услышать решения суда, так как она до него не дожила. Поскольку ни у Кэтлин, ни у Розан не было детей и близких родственников, государство передало имение Монивей дальней родственнице Розан. Но и ей не довелось стать хозяйкой, она тоже скоропостижно скончалась. В итоге сам Монивей снесли, мавзолей же, по стечению обстоятельств оставили на месте. Он стоит там и поныне. Интересно, что сама Кэтлин похоронена в мавзолее рядом с отцом (согласно завещанию, ее тело перевезли в Монивей из Харбина)...

– Короче говоря, искать там точно нечего! – воспользовавшись короткой паузой в его повествовании, подвёл я неутешительный итог его изысканиям. Сам же говоришь – «К душевным волнениям добавился арест и конфискация имущества». Так что ей, бедняжке и прятать-то было нечего, поскольку большевики были ребята хваткие. Хватали и направо и налево, и совесть их не мучила тогда, как не мучает и теперь. К тому же, посчитай возраст графини на тот момент времени. 46 да плюс 17, будет 63! Ты ведь понимаешь, что в столь преклонные годы не слишком-то пороешь ямы по ночам и не потаскаешь в них свои пожитки.

– Да, разумеется, – нехотя согласился с моими доводами Михаил, – в этом ты, наверное, прав.

– Да не наверное, а совершенно точно! Лично я, когда доживу до таких лет, вряд ли побегу что-либо прятать по ночам. Здоровье будет точно много дороже, нежели фамильные безделушки! И вообще, – в запальчивости проговорился я, – вот дождемся ответ из Сызрани, тогда и поговорим.

– А я ещё ничего туда не посылал, – удивился мой приятель. Так..., выходит ты сам ему письмецо намылил?! Ну, Александр, от тебя я подобного шага никак не ожидал! Не успел я тебе сказать и пару слов, как ты что-то там втихомолку мутишь!

– Да ничего я не мучу! С чего ты взял? Просто черкнул ему пару строчек насчёт того, что если ему понадобится какая помощь, то мы будем рады ему помочь. Только и всего! И нечего не меня бочки катить! В конце концов, неужели ты думаешь, что я собирался предпринимать какие-либо действия, не пригласив тебя в дело?

Мои жаркие речи постепенно убедили моего собеседника в моей искренности и добропорядочности, и тон нашей беседы вскоре вернулся в положение «нормально». Однако наш разговор имел свои последствия. Дней через семь раздался второй звонок. На сей раз Михаил был краток. Поздоровавшись, он сообщил, что от Павла пришло второе письмо. Собственно в нём практически ничего не было. Только коротенькая записочка с просьбой вручить мне вложенное в первый конверт второе письмо. Вручить, разумеется, только в том случае, если он (Михаил) мне доверяет полностью и всецело.

– Чего там ещё передавать, – решительно отказался я от какой-либо секретности между нами. Вскрывай мой конверт и читай вслух, у тебя это здорово получается.

Долго настаивать не пришлось. В трубке послышался треск разрываемой бумаги и шорох, свидетельствующий о том, что присланное послание расправляют на столе.

– Написано на листочке, выдранным из тетрадки, – доложил он через минуту Воркунов. Исписан с обеих сторон. Так читать, что ли?

– Читай, читай, – подбодрил его я, – большие сомнения в том, что на этом листочке содержатся какие-либо страшные тайны.

Михаил гулко вдохнул и начал.

– Здравствуйте, уважаемый Александр Григорьевич! Поначалу очень удивился, получив от вас письмо. Но подумал, что не будет ничего страшного, если мы для начала обсудим сложившуюся ситуацию в теоретическом плане. Я с удовольствием расскажу вам о том, что я знаю сам, а потом прикинем, что может получиться из этой затеи. Как вы уже знаете из предыдущего письма, определённый толчок моим изысканиям дали свидетельства одного из вельяминовских обитателей – Николая Петровича Дятлова. Совершенно естественно, что я немного поинтересовался личностью этого человека. Так, на всякий случай и вот что выяснил. Он бывший фронтовик, воевал в артиллерийской разведке. Не пьющий, трезвый в суждениях и в прошлом хороший работник, отзывы в администрации самые положительные. Односельчанами характеризуется как человек разумный, хотя и несколько замкнутый. В районной поликлинике наблюдался по поводу хронического остеохондроза левого плечевого сустава. Отсюда делаю вывод о том, что Дятлов вряд ли стал бы выдумывать какую-то совершенно неправдоподобную историю, чтобы разыграть меня, совершенно незнакомого ему человека. Да и просьба его – помочь в поисках плана Вельяминовской усадьбы Екатерины Перси-Френч, тоже на первый взгляд вполне разумна. Раз человек подозревает наличие неких ценностей вблизи какого-то конкретного усадебного объекта, то, разумеется, ему нужен именно подробный план, чтобы максимально сузить район поисков.

Оказавшись по делам в Ульяновске, я зашёл в Областной художественный музей. Скажу вам определённо, процентов на семьдесят экспозиция музея состоит из тех вещей, что в своё время были изъяты из дома бабушки Екатерины – Александра Леонидовича Киндякова. Переговорил с главным хранителем музея – Галиной Григорьевной Дёминой. По своей наивности я полагал, что найти план усадьбы будет несложно. Посижу пару часов в архиве и... оп-ля-ля, вот он! Задал моей собеседнице пару наводящих вопросов, вроде как, между прочим. В ответ она заглянула в какой-то фолиант и, не моргнув глазом, сообщила, что всего по клану Киндяковых – Перси-Френч имеется более двадцати восьми тысяч единиц хранения! И зачастую это не просто отдельные предметы, вроде картин или статуэток, а многие сотни папок, в которых лежит до сотни же всевозможных документов и просто малозначащих бумаг. В общем, выразилась она в том смысле, что если лично у меня есть несколько месяцев для просмотра всего этого обширного наследства, то возможно я и обнаружу искомый план. Возможно! Это словечко меня просто подкосило. И поскольку никаких месяцев у меня в запасе не было, я был вынужден любезно откланяться.

Записав электронный адрес Павла на подвернувшемся клочке бумаги, я улёгся на диван и принялся размышлять над полученной информацией. Фактически можно было уцепиться только за описанный Павлом рассказ Дятлова. Но быть прямым свидетелем или участником закладки возможного графского тайника он не мог по возрасту. Значит, получил о нём информацию от какого-либо иного лица. Если он был участником войны, то в сорок пятом ему было не меньше двадцати. Следовательно, сейчас ему где-то под восемьдесят с хвостиком. И в какой же момент своей жизни он получил столь интригующие откровения, от кого, при каких обстоятельствах? Если это случилось давно, то почему же Дятлов ничего не смог сделать за столько лет? Если сведения поступили к нему недавно, то совершенно непонятно, кто в здравом уме и твёрдой памяти в наше алчное время слил ему сведения о каком-то кладе. Да и зачем такие знания древнему пенсионеру? Ведь воспользоваться ими он всё равно не сможет, чисто по физической своей немощи! Странная, очень странная ситуация.

Для начала мне нужно выяснить лишь одну маленькую вещь. Узнать только одно – а был ли кладик на самом деле? Это соображение живо подняло меня на ноги, и усадило за компьютер. Выйдя в поисковую систему, я задал поиск по следующим ключевым словам: Киндякова Екатерина, Перси-Френч. И вскоре возникшая на экране заметочка «Сибирская сага» целиком завладела моим вниманием. В ней было написано: «Сотруднице дома-музея И. А. Гончарова удалось собрать весьма интересные данные... А далее шёл крайне любопыт-

ный текст. «Смешение ирландской, польской и русской крови не прошло даром: в далёкой российской провинции родилась сильнейшая личность. Смелая, решительная, великолепная наездница и азартная охотница. Отец Екатерины, английский дипломат Роберт Перси-Френч, сокрушался, что дочь не выходит замуж. Сам же писал, что равных ей по богатству и уму в Симбирске просто нет, что её достоин некто столь же выдающийся, такой же «белый дрозд», как и она сама. Девушка получившая классическое английское воспитание и образование благодаря привезённой из Англии гувернантке Дженни Томкинс, так и не нашла себе пару. Всю себя она отдала семи поместьям, унаследованным от матери и тётки. Она закупала сельскохозяйственную технику, удобрения, выписывала из-за границы отборные семена и, разумеется, довольно быстро сделала своё хозяйство сверхрентабельным. Одновременно Екатерина Максимилиановна занималась благотворительностью, возглавила симбирский Красный Крест, в годы Первой мировой поставляла в госпитали кровати, медицинское оборудование, медикаменты, и даже книги для выздоравливающих бойцов...

Трагический перелом в жизни, как всей страны, так и конкретной симбирской дворянки произошёл в 1917 году. Вернувшись из Петрограда, она обнаружила в родных местах полный разгром и разорение: скот зарезан, дома сожжены, золотой сервиз на 400 персон разбит, коллекция миниатюр исчезла. Уцелело лишь то, что хранилось в городском доме Киндяковых, на улице Московской. Саму английскую подданную, каковой была Перси-Френч, в ноябре 1918 года арестовали. Ни в симбирской тюрьме, ни в московской Бутырке Екатерине Максимилиановне не было предъявлено ни одного обвинения, однако два с половиной месяца она провела в тюрьмах, словно в аду. А затем была выставлена на улицу без какого-либо объяснения, и ей повезло быть узнанной коллегами по международному Красному Кресту, которые приютили замерзавшую на московских улицах аристократку. Дорога в Симбирские имения была для неё фактически закрыта, и в завещанном ей отцом замке Монивей её не очень-то ждали (кузина Розамунд уже привыкла к роли хозяйки). Поэтому Екатерина Перси-Френч отправилась в Манчжурию, в самое дешёвое пристанище русских эмигрантов – город Харбин, где встретила много знакомых дворян. Там она и умерла 1 января 1938 года. По её желанию в последний путь католичку крещёную именем Кэтлин Эмилия Александра, провожали ксендз и православный священник. Похоронена она в мавзолее при замке Монивей».

Заметка закончилась, но я тут же принялся перечитывать её повторно. Было понятно, что возвратиться из революционного Петрограда наша графиня в загородное поместье могла лишь на короткое время, поскольку в нём был полный разор и запустение. Получалось так, что с одной стороны она считалась весьма состоятельной женщиной (один позолоченный сервиз чего стоил!), а с другой, в какой-то момент истории она оказалась буквально без гроша в кармане. Поэтому что-то такое спрятать она просто не имела возможности. Что ж, история для нашей страны довольно типичная. А для нашей героини, как женщины одинокой и довольно пожилой, такой поворот судьбы был вообще настоящей катастрофой. Ещё вчера она владела семью поместьями, за свой счёт строила школы, лечила больных и раненых, а сегодня ей не на что было купить миску картофельной похлёбки!

Никаких сомнений у меня не осталось. После 17-го года наша Екатерина была бедна, как церковная мышь, а все её семейные ценности и авуары были либо уничтожены огнём революции, либо попросту расхищены. И что-либо припрятать на чёрный день ей, по стечению жизненных обстоятельств, было совершенно невозможно. Поэтому вопрос о каких-то там кладах можно было считать закрытым окончательно. И все эпистолярные хлопоты Павла тут же показались мне никому не нужным ребячеством. Ну, ведь, естественно, о чём чаще всего мечтает начинающий корреспондент? Да, разумеется, о том, как бы побыстрее прославиться, завоевать определённый авторитет в массах! А как можно прославиться в провинции? Да очень просто! Присочинить этакий залихватский кладоискательский детектив с продолжением в нескольких воскресных номерах газеты. В качестве действующих лиц можно взять какую-нибудь местную

историческую знаменитость, о которой все в округе так или иначе слышали хотя бы краем уха. В данном конкретном случае именно госпожа Перси-Френч подходила на данную роль идеально. А в качестве приглашённого гостя можно заманить приезжего кладоискателя из самой Москвы. И пиши себе о ходе поисков хоть неделю, хоть целый месяц. Но нужно ли лично мне заниматься подобной историей с неясными перспективами?

В моей душе постепенно сформировалась твёрдая уверенность в том, что я больше никогда в жизни не вспомню о скончавшейся в далёком Шанхае беженки из чуть менее далёкого Симбирска. Я ошибался. Казалось бы, давно забытая история каким-то чудом вдруг очень скоро восстала из небытия и понесла меня по таким городам и весям, о которых я не мог ранее и помыслить. Но в тот вечер я совершенно не подозревал о надвигающихся событиях, поэтому лёг спать, напрочь выбросив из головы и племянника Михаила и его, по всей видимости, выдуманную из пальца историю.

Глава вторая. Первый поход на Сызрань

Однако, как это часто случается с излишне романтическими особами, уже на следующее утро меня начала грызть совесть. Поначалу не сильно, но всё же довольно чувствительно. Хотя я был уверен в том, что полностью разоблачил хитрую уловку Паши Зацаринного, но в то же время прекрасно понимал, что в его действиях не было однозначно злого умысла. Ему ведь наверняка просто не терпелось самому поскорее разобраться со столь удивительной историей, в которой участвовала столь нерядовая женщина! В конце концов, после получаса метаний и колебаний я решил написать ему вежливое письмо, в котором постарался бы спустить наши дальнейшие отношения на «тормозах». Усевшись за компьютер, я принялся копаться в разбросанных по столу листочках бумаги в поисках записанного вчера вечером электронного адреса Зацаринного. Отыскав его, я включил монитор, на котором тут же возникла вчерашняя статья. Машинально пробежав её глазами, я словно нарочно зацепился за строчку расположенную прямо в центре экрана. А фраза эта была такая: «Вернувшись из Петрограда, она обнаружила разгром и разорение: скот зарезан, дома сожжены, золотой сервиз на 400 персон разбит, а коллекция миниатюр исчезла».

Сведения о том, что именно было разбито, сожжено и разгромлено меня не взволновали, но вот окончание предложения невольно заставило слегка задуматься, если не насторожиться. Исчезла коллекция каких-то миниатюр! Каких именно? Сам по себе факт был заурядный, в те безумные годы так и вообще – едва ли не регулярный. В дни бесславного крушения столь обширной империи, каковой, несомненно, была Российская, каждый день, да что там день, каждую минуту терялась бесценная коллекция, сгорало поместье или вдребезги расколочивался сервиз аж на четыреста персон! Но в данном, конкретном случае некий слабый росток надежды, словно бы пробившийся на поле одинокий листочек редиски, указывал на то, что с наследством графини всё же есть некая неясность и требуется незамедлительно уточнить некоторые моменты.

Поэтому второе моё письмо Павлу было хоть и коротким, но предельно конкретным. В нём я просил его уточнить, что именно его информатор имел в виду под тем мифическим кладом, который тот чаял отыскать на территории заброшенной усадьбы? Ответ на мой запрос пришел тем же вечером. Журналист честно признался, что не знает, что именно имел в виду пенсионер из Вельяминовки, но полагает, что есть всего два приемлемых варианта. Вот его собственные слова, сохранившиеся для истории в электронной памяти моего компьютера.

– На самом деле есть только два «объекта», которые могут явиться предметом дальнейших поисков. Известно доподлинно, что Екатерина даже в зрелые годы была не только прекрасной наездницей, за которой редко кто мог угнаться, но и страстной охотницей. И свою охотничью страсть она подкрепляла, так сказать, материально. В её конюшне содержалось не менее двадцати чистопородных скакунов, а коллекции охотничьего оружия мог бы позавидовать любой мужчина. Кое-что именно об этой коллекции мне удалось узнать из сохранившегося письма поручика Заславского своему дяде – помещику Ионе Трунову. В нём он упоминает не менее чем о двух дюжинах разнообразных гладкоствольных, нарезных ружей и карабинов, хранившихся у Перси-Френч в специальной комнате, примыкавшей к спальне. Среди них он особо выделяет немецкие и итальянские образцы. Ещё им упомянуто наличие множества кинжалов, ножей и даже сделанных на заказ в Швейцарии дуствольных пистолетов.

Второй страстью графини было коллекционирование старинной бронзы, как сказали бы сейчас – малых литевых форм. Сколько подобных безделушек хранилось в её Вельяминовском имении, не знаю, но подозреваю, что не менее сотни. Она несколько раз выезжала на художественные аукционы в Москве, Петрограде, Цюрихе и Лондоне. Так что сотню покупок точно

сделала. Можно сделать предположение о том, что какая-то из этих двух коллекций таится в окрестностях бывшей усадьбы. А может быть и обе сразу...»

Что ж, ответ был предельно ясен и понятен. Нужно было лишь провести его анализ и окончательно решить главный для себя вопрос – начать заниматься ли поисками, либо плюнуть и забыть. Для удобства обдумывания столь непростой проблемы я отправился на кухню и принялся готовить себе завтрак. Поглощая своё незамысловатое кушанье, я поневоле обратил внимание на лежащий передо мной столовый нож. Нож у меня был старый, очень старый. С деревянной рукояткой, потемневшим от времени и даже кое-где изъязвлённым лезвием. По семейным преданиям его купил отец, будучи на отдыхе в Минводах. Случилось это в 1966 году. Прошло всего сорок лет и, несмотря на то, что этот предмет кухонного обихода находился в достаточно заботливых руках, он представляет теперь жалкое зрелище. Понятно, что будь под Сызранью спрятана коллекция оружия, то от неё к настоящему времени остались бы рожки да ножки. Само собой, девяносто лет в земле, без специально наложенной смазки..., без соответствующей упаковки. Прятали, небось второпях, самое лучшее, если наскоро замотали стволы в какую-нибудь дерюжку...

Стало очевидно, что с коллекцией раритетных ружей, пролежавших в земле столько лет можно однозначно проститься. Но вот бронзовое литьё..., несколько иное дело, совсем другой коленкор. Вон, всевозможные бронзовые штучки даже в скифских захоронениях уцелели и теперь украшают не один музей мира! Так что, если говорить всерьёз, то результативно поохотиться можно только на графскую бронзу. Вот только как бы надёжно удостовериться в том, что «пропавшие миниатюры» из статьи «Сибирская сага» и есть те самые бронзовые фигурки, на которые прозрачно намекал Зацаринный? По идее следовало срочно направить уточняющий запрос в Сызрань, но нужно было собираться на работу и данное действие поневоле пришлось перенести на вечер.

Но и вечер в тот день не задался. По распорядку моя смена должна была закончиться в шесть, но именно под конец работы пришла большая поставка всяческой парфюмерии. Представляете себе сотни всяких помад, тушей, карандашей, и прочих «мордокрасок» и все разных артикулов и стоимости, короче – тотальный завал. Провозился до десяти и домой попал только в половине одиннадцатого голодный и злой как чёрт. Поэтому все прочие мысли отступили перед примитивным удовлетворением самых элементарных человеческих потребностей. Только утром я вспомнил о своём намерении и буквально на минутку присел за компьютер. Вопрос Паше задал с некоторым подвохом. Спросил, допускает ли мой сызранский собеседник вероятность того, что его информатор под кладом подразумевал именно бронзовые безделушки из коллекции графини. Решил, что этим вопросом мягко подтолкну его на повторную встречу с ветераном.

Прошло три, четыре, пять дней. Почты не было, и постепенно история симбирской графини стала забываться. Навалились другие заботы, поступили новые сообщения о драгоценных находках и потерях. Только дней через десять или двенадцать Павел Зацаринный разразился целым сочинением, едва ли не на двух листах. Написал о том, что ездил-таки в Трубечино, где на самом деле проживает господин Дятлов. Практически полностью привёл и разговор с ним. Но сильно в нашем расследовании он точно не продвинулся. Старик выражался крайне осторожно, ни в какую не желая выдавать того места, где предполагалось захоронение. Подтвердить, что спрятана именно «бронзовая» коллекция он тоже не смог. Но случайно или намеренно упомянул о том, что данное место было видно из окна местной школы. Так и сказал: – И представить себе не мог, что именно мне откроется столь удивительная тайна!

– Что-то затянулся наш роман по переписке, – размышлял я, направляясь поутру к автобусной остановке. Нет движения ни вперёд, ни назад. Естественно, старикан молчит, поскольку надеется с помощью клада поправить свои материальные дела. Однако вроде как намекает, что готов поделиться какой-то частью найденного. Ведь не думает же он попросту забрать вожде-

ленный план у корреспондента и, сделав ему ручкой, скрыться в окрестных кустиках? Хотя в нашу безумную эпоху возможно и не такое. И вообще как-то всё в этом деле зыбко и неопределённо.

В тот день, при малейшей передышке в работе я устраивался за столом в офисе приёмочной и корпел над составлением плана дальнейших действий. Все труды мои в итоге вылились небольшой список с вопросами и ответами. Дословно его я уже не припомню, но кое-какие тезисы сохранились.

– Зачем Дятлову понадобилась схема усадьбы? Вероятно только для того, чтобы самому определиться с той точкой, где следует копать. Значит, там было строение такого рода, что его местоположение было обязательно отмечено на плане. Вся беда в том, что всяких зданий и сооружений там могло быть довольно много.

– Только когда установлено: а) местонахождение самой усадьбы. б) местонахождение того объекта, возле которого или в котором спрятана коллекция, можно выезжать на поиски. На худой конец, если не удастся выяснить приблизительное место захоронения клада, то придётся прочесать всю территорию усадьбы. Интересно бы самому выяснить, насколько велика ли она по площади? Значит, как не крути, и мне совершенно необходимо иметь план застройки.

– Если же его невозможно отыскать в архиве, то..., может быть сделать его самому! Выехать на местность, сориентироваться по сторонам света, промерить расстояния между..., а собственно, между чем? Хорошо, если там что-то осталось от старых построек, а если нет? От каменных сооружений должен был сохраниться хотя бы фундамент. Но если все постройки были деревянными, то вряд ли от них что-либо осталось. Хотя, чёрт его знает, практики у меня в данном вопросе нет никакой. Впрочем, особого выбора у меня и нет. Если не удастся обзавестись относительно точным планом усадьбы Перси-Френч, то нужно закругляться и больше не морочить себе голову.

С этими мыслями я вернулся домой и без промедления отослал Павлу письмо, в котором предлагал ему составить требуемый план действий самому. Ответ пришёл неожиданно быстро, видимо мой корреспондент как раз сидел за компьютером. Слова тот подбирал осторожно, но смысл его послания был вполне очевиден. Павел честно признавался, что не имеет ни малейшего понятия о том, как и, главное, где именно данный план следует снимать. Ведь о точном местоположении усадьбы он, по его собственным словам, имел самое смутное представление. В заключение своего послания Зацаринный всё же приглашал меня в Сызрань, выражая надежду на то, что решить нашу проблему можно лишь совместными усилиями. Кроме формального приглашения мой корреспондент твёрдо обещал устроить на ночлег в недорогой гостинице с завтраком и ужином.

Теперь предстояло решать, как быть с Воркуновым. Лето уже началось, и не занятого учёбой преподавателя вполне можно было бы пригласить с собой. Во-первых, вдвоём работать на местности куда как сподручнее, а во-вторых, всё же это его родственник заварил сию кашу, а не мой. Следовательно, ему и следовало играть первую скрипку в нашем дуэте. Хотя обычно Воркунов надолго уезжать из Москвы не любил, моё предложение о совместных действиях он поддержал. Причём не просто поддержал, а с энтузиазмом. Мы с ним пару раз даже встречались, обсуждая разные аспекты предстоящей поездки и возможной тактики поисков и наконец, настал день отъезда. По обоюдной договоренности билеты на поезд покупал Михаил, я же взял на себя хлопоты по подготовке поисковой аппаратуры, и прочего снаряжения, которое должно было помочь нам восстановить топографию давно исчезнувшей усадьбы. Ближе ко второй половине дня мой приятель позвонил и с гордостью заявил, что билеты у него в кармане и завтра в три двадцать пополудни мы встречаемся на Казанском вокзале. Я машинально поинтересовался номером поезда, на котором нам предстоит ехать в Сызрань.

– Поезд №66, – бодро отрапортовал он, плацкартный вагон №6, места 66 и 65!

Только повесив трубку, я сообразил, что такое чрезмерное обилие шестёрок ничего хорошего нашему предприятию не сулит изначально. Человек я не суеверный, но всё же согласитесь, два раза по 666 – небольшой перебор. В памяти ещё не изгладились столь же неприятные приметы перед предыдущей экспедицией. Да две «дьявольские» цифры, конечно же, навевали грустные мысли, но отступить было поздно

Было около девяти утра, когда мы, обременённые увесистым багажом, спустились на низкий перрон вокзала Сызрани. По договоренности Павел должен был встречать нас прямо у вагона, но мы топтались около собирающегося отчалить в дальнейший путь поезда минут десять, а к нам всё никто не подходил. Только две разбитные торговки солёной рыбой описывали вокруг нас сужающиеся круги, надеясь сбыть свой залежавшийся товар.

– Пойдем, что ли в здание вокзала, – предложил Михаил, – а то как-то здесь прохладненько. Погода и в самом деле несколько отличалась от московской. Если у нас всюду палило солнце и днём доходило до пятнадцати, то здесь небо было плотно затянуто низкими тучками. И вроде даже как нечто такое мокрое сыпалось сверху на наши обнажённые головы. Мы подхватили свои вещички и потащились в ту же сторону, в которую перед этим ушла большая часть прибывших пассажиров. Но до вокзала мы так и не дошли. Внезапно перед нами как изпод земли выросло двое насупленных мужчин, одетых в весьма похожие кожаные куртки. Тот, что повыше представлял собой хорошо узнаваемый тип всеобщего любимца, кутилу и баловня судьбы. Крупное, что называется, породистое лицо его заранее имело такое выражение, какое обычно бывает у тамады, готовящегося произнести очередной тост.

Эта парочка двигалась чётко нам наперерез, и сразу стало понятно, что кто-то из двоих и есть тот самый племянник моего приятеля, к которому мы ехали. Я было решил, что тот улыбчивый здоровяк он и есть, (уж больно внешность была колоритная) но оказалось, что я ошибался. Второй молодой человек, который ростом был чуть ниже меня, неуловимым движением обогнал своего спутника и, вытягивая вперёд руку, направился прямо к Михаилу.

– Михаил Александрович, здравствуйте, – произнёс он довольно-таки низким голосом, – от всей души приветствую вас на сызранской земле!

От удивления мой друг даже выронил свою любимую зелёную сумку, которая от удара об асфальт громко забренчала.

– Откуда..., – неуверенно пробормотал он, – непроизвольно отвечая встречным движением руки.

– Так мне тётушка..., ну-у супруга ваша, в прошлом году прислала ваше совместное фото. Вы там стоите около какого-то покосившегося домика...

– Точно, на нашей даче снималось, – мигом перебил его слегка насупившийся Михаил, – вот как раз он и снимал. Он подтолкнул меня вперёд и представил, – а вот и тот самый Александр Григорьевич, с которым вы..., ты переписывался.

Мы энергично пожали друг другу руки, и сызранский корреспондент представил нам своего спутника. Звали того Алексей Говоров и был он, как я понял, давним приятелем Паши. Переговариваясь о всяческих несущественных мелочах, мы прошли мимо здания вокзала и вскоре вышли на площадь, густо застроенную разнокалиберными палатками. Только тут стала понятна цель, которую преследовал наш сызранец, приглашая в компанию ещё одного участника. Алексей без промедления повёл нас к светлой Ладе-Самаре, и открыл багажник, как бы предлагая сложить в него наши пожитки.

– В гостиницу поедем, – поинтересовался он, усаживаясь на водительское сиденье, – или, может, сразу прокатимся до предполагаемого места поисков?

– Поедем лучше к усадьбе, – попросил я. В гостиницу-то мы всегда успеем, а тратить самое продуктивное утреннее время на разъезды по городу не слишком рационально.

Все прочие дружно закивали головами, как бы подтверждая мою правоту, и машина тут же сорвалась с места. Теперь обязанности гида взял на себя Зацаринный. Поворачивая голову то направо, то налево он кратко рассказывал нам о местных достопримечательностях. Но говорил он столь заунывным голосом, что я невольно заскучал, и принялся просто смотреть в окно на спешащих по делам и глубоко погружённых в обыденные заботы обывателей.

– Как странно, – размышлял я, автоматически провожая глазами прогуливающих по тротуарам одиноких брюнеток и блондинок, – кто-то на работу торопится, кто-то на учёбу спешит, а мы нет. Только подумать, четверо здоровых лбов в наше-то просвещенное время едут не куда-нибудь, а клад дореволюционной графини искать! Просто уму непостижимо! Скажи кому – хохоту не оберёшься.

Очнулся я от своих дум только тогда, когда наша машина сбавила ход и свернула на просёлки.

– Обратите внимание на ручей, который мы сейчас переедем, – вновь зазвучал голос Павла. Очень примечательный ручеек, между прочим. Недавно здесь археологи отыскивали весьма крупные кости мамонта, а за год до этого, один местный дедок откопал череп древнего носорога!

– Неужели настоящего носорога? – удивился Михаил. Никогда бы не подумал, что они здесь водились.

– Они раньше много где обитали, – поддержал беседу и Алексей, – да только все погибли от какой-то катастрофы 12.000 лет назад. Правда, я в газете об этом читал!

Справа от дороги показались невысокие домики, и пришлось ещё больше сбросить скорость, поскольку через дорогу переходило стадо коров. «Лада» ползла вперёд так тихо, что нас скоро нагнали две пёстро одетые цыганки. Та, которая была несколько моложе своей спутницы, нагнулась к открытому окну и обратилась к Алексею.

– Эй, красивый, позолоти ручку, – игриво стрельнула она глазами. Счастлив будешь, сто лет проживёшь безбедно! А жену себе найдёшь – истинную красавицу!

Лично я цыган недолюбиваю, могу признаться честно и стараюсь никогда с ними не заговаривать. В отличие от меня, Алексей повёл себя достаточно сдержанно. Может быть, причиной было то, что коровы всё ещё мешали проезду.

– На, держи, – протянул он женщине десятку, – только подскажи, где тут старая школа?

– Да вон же она, – взмахнула цыганка рукой, – на пригорке стоит. Известкой побелена... – добавила она, нагибаясь ниже и внимательно осматривая нас внимательным взглядом.

– Какие-то вы все невесёлые, – незамедлительно прокомментировала она увиденное, – никак на лихое дело собрались, а?

Гробовое молчание было ей ответом. К счастью, последняя животинка как раз в эту секунду преодолела поросший весенней зеленью кювет, освобождая дорогу для проезда. Так что наш водитель торопливо втолкнул в растопыренные пальцы попрошайки ещё одну купюру и энергично нажал на газ.

***

Мы проехали ещё метров четыреста, после чего Алексей выключил мотор и припарковался в тени мощного тополя. Строго слева от нас возвышался пологий холм, на вершине которого располагалось приземистое кирпичное здание с железной крышей.

– Собственно говоря, – подал голос Павел, – перед нами как раз та самая школа, которая была построена графиней за четыре года до революции.

– Наверное, всё-таки не она сама трудилась, а на её деньги возводили, – поспешил уточнить Михаил, любящий во всём определённую ясность. Так, что, давайте разомнём ноги и взглянем на столь примечательное строение!

Возражений не последовало и через несколько секунд мы гуськом поднимались по одной из тропинок, ведущей к вершине холмика. Вблизи школа не производила такого внушительного впечатления, как издали. Выщербленный кирпич, потемневшие от времени оконные рамы, потрескавшаяся дверь. Было понятно без слов, что те люди, которые должны были все послереволюционные годы присматривать за строением, делали свою работу с большой неохотой.

– Скорее всего, из одного из этих окон, – глубокомысленно заметил Павел, – старик Дятлов как раз и видел то место, где был устроен тайник!

– В какой же стороне стояла усадьба? – подошел к нему Михаил.

– На север... где-то..., – неопределённо взмахнул рукой Зацаринный.

– Поскольку компас лежал у меня в нагрудном кармане куртки, я незамедлительно привёл его в действие. К сожалению, помог он мало. С северной стороны за редкой цепочкой жилых домов деревни Трубечино начинался протяжённый и унылый пустырь, за которым вздымался поросший лесом увал.

– То есть, – поспешил уточнить я, – ты утверждаешь, что резиденция Перси-Френч располагалась вон в том лесу?

– Да, где-то там, – согласно кивнул Павел.

– То есть как, где-то!?! – изумился Михаил. Хочешь сказать, что точное местоположение усадьбы вам до сих пор не известно?

Алексей с Павлом озадаченно переглянулись.

– Вообще-то примерное место нам известно, – мигом вступился за замешкавшегося приятеля наш водитель, – мы даже бывали там пару раз, осматривались на местности...

– Так видна оттуда школа или нет? – поспешил прояснить я крайне важный для дальнейших действий вопрос.

Казалось, я не спросил ничего необычного, но наши новоявленные знакомые вновь виновато переглянулись, дружно пожимая плечами. По всему было видно, что они сроду не занимались какими-либо поисками и совершенно точно не имели понятия о том, как их следует проводить.

– Может быть, съездим на бугор, да и взглянем прямо оттуда, – опередил меня Михаил.

– Верно, – подхватил Алексей, – пускай Александр Григорьевич сам всё осмотрит.

Вновь выстроившись в цепочку, мы чинно спустились к подножью холмика и заняли свои места в салоне машины. Загудел мотор, и «Лада» шустро понесла нас к сосредоточению всех местных тайн и загадок. Накатанная просёлочная дорога прошла через пустынную болотистую равнину и начала подниматься в гору. Скоро слева показался ещё чёрный, несмотря на календарное лето, дубовый лес, справа же возник хорошо зазеленевший перелесок. Вот именно к этому перелеску мы и свернули.

– Приехали, – обернулся ко мне Павел, – усадьба, как нам кажется, была прямо здесь!

Выбравшись из машины, мы нестройной толпой двинулись вдоль опушки. Первым делом я осматривал прилегающую к лесу полосу неопрятной стерни. Странно, но нигде не пробивалось и кустика крапивы. И именно эта мелочь сразу привлекла моё внимание. Почему? Да потому, что обычно там, где долго жили люди, крапивные заросли занимают весьма приличные пространства. А здесь этой, казалось бы, вездесущей травы, не было вовсе!

Далее я принялся осматривать встречающиеся на пути деревья. Мало кто знает, что большинство таких деревьев, как рябина, сирень и тополь крайне редко встречаются в дикорастущем лесу, но очень часто красуются возле загородных усадеб. Увы, чахлый лесочек явно не был украшен вышеперечисленными деревьями. Но кое-что интересное в растительном мире я

всё же обнаружил. Около края относительно молодого леса отыскивались два внушительных прямоугольника явно специально разведённого многолетнего кустарника. Тёмные, будто нарочно изломанные стволы густой щёткой вздымались вверх на высоту не менее трёх метров.

– Что за насаждения такие? – указал я на занятое высоченными кустами пространство.

– Карагана древовидная, – с невозмутимым видом произнёс Павел, – в просторечье – жёлтая акация.

– Почему именно здесь её так много? – тут же поинтересовался Михаил. Насколько я помню, её такими массивами высаживали в одном единственном случае.

Все повернулись к нему.

– Если собирались разводить пчёл, – пояснил он, – то акация отличный многолетний медонос. Меньше чем через месяц она вся покроется цветами и от пчёл здесь будет не протолкнуться...

Если мой друг был прав, то наши шансы отыскать усадьбу графини именно здесь, падали с головокружительной высоты. Но поскольку промахнуться и опозориться в первый же день не хотелось совершенно, я предпринял ещё одну попытку отыскать следы человеческого жилья. Способ был из категории неубиенных. По предыдущему опыту я уже знал, что там, где длительное время проживали люди, в почве обязательно скапливался чёрный металл. Оброждённые при строительстве гвозди, шкворни запоров, прогоревшие чугуны и сковороды, отравившиеся лошадиные подковы и прочий железный мусор. Причем скапливался этот металл всегда неравномерно. То есть там, где была помойная яма или, допустим, кузница, металлического лома обычно присутствовало много больше, нежели в иных местах.

На это я и делал ставку. Достаточно было побродить по лесочку хотя бы час с магнитометром за плечами, и можно было однозначно сказать, было здесь когда-нибудь человеческое поселение или нет. И в последующие полтора часа я этой проблемой и занимался. Пристроил своих спутников работать подвижными рейками, нацепил магнитометр и принялся мерить лесные заросли от опушки до опушки, постепенно удаляясь от просёлочной дороги. К тому времени, как у меня основательно засосало под ложечкой и желудок начал издавать непотребные звуки, была прочёсана приличная часть лесного пространства, равно, как и прилегающая к зарослям акации опушка. Мало того, что на осмотренной площади металла не отыскивалось вовсе, так ещё были найдены дополнительные подтверждения того, что мы «тянем пустышку».

Начать хотя бы с того, что за полтора часа мне не попало даже намёка на хотя бы какую-нибудь дорогу. А ведь без подъезда столь крупная усадьба просто не могла бы существовать. Причём мне с детства было хорошо известно, что даже заброшенные дороги сохраняются очень долго. Опирался я на свои воспоминания о каникулах, проведённых в деревне у бабушки. Неподдалёку от той деревни, тоже когда-то был дом помещика, и так же как и местная усадьба, он был благополучно разрушен в 1919 году. Так вот, от самого деревянного барского подворья не осталось и следа, но ведущая к нему дорога не исчезла, хотя никуда конкретно теперь не вела. Ездили по ней, разумеется, очень редко, чаще всего на покос в бывшие приусадебные сады, но, тем не менее, дорога жила и зарастать не собиралась.

Кроме всего прочего, на проверенном участке леса обнаружилось ненормально большое количество выходов на поверхность крупных глыб серого песчаника. Здесь тоже была ненормальность. Не в том смысле, что в подобных местах невозможно выстроить несколько зданий. Вон в той же горной Турции, где только не строят. Дело в другом. Представьте себе, что у вас во дворе имеется некий каменистый пятачок. Ну, никак не сможет он длительное время оставаться девственно чистым и неповреждённым! Телега, допустим, по нему проехала, коровка вывалила «лепёшку», дворник Кузьма запнулся подкованным сапогом... Само собой все эти обычные бытовые происшествя должны были оставлять на камнях определённого рода следы. И конечно их должно быть тем больше, чем дольше происходило внешнее воздействие. А здесь довольно заметный светло-серый песчаник, выступающий из песчаной почвы такими слои-

стыми холмиками, был девственно свеж и целомудренно не потревожен ничьим присутствием. Выводы напрашивались сами собой, но озвучивать их я не спешил. Подождал той минуты, когда мы все соберёмся около «Лады» для обеденного перекуса и только тогда объявил свой приговор.

– Нет, парни, в данном месте никогда не было никакой усадьбы, – не стараясь смягчить формулировки, подвёл я итоги нашей работы. Заявляю об этом со всей ответственностью и готов доказать свою позицию по нескольким параметрам. Но дело, друзья мои, вовсе не в том. Критиковать кого-то мне вовсе не хочется, но один вопрос задать я всё же должен.

– Паша, – обратился я к Зацаринному, – не очень понятно, почему мы рыщем по полям и лесам вслепую? Неужели нельзя было попросту расспросить того же самого Дятлова и выяснить, где точно стояла усадьба Перси-Френч?

– Так это..., – оторвался тот от нарезания буханки хлеба, – поначалу нам не хотелось показывать свою заинтересованность в поисках, а потом тот исчез, причём совсем недавно.

– То есть как? Куда же он мог пропасть? – растерянно произнёс я.

– Никто толком не знает. По словам соседей, он собирался встретиться с неким приезжим. Вроде как с иностранным писателем или даже режиссёром, толком никто в его планы посвящён не был. Я же говорил, что он по жизни держался особняком. Вот только его племянница и смогла сообщить хоть что-то.

– А что милиция говорит?

– Ничего конкретного, ведь теперь от здешних стражей порядка проку немного. Все переквалифицировались в гаишники, штрафы на дорогах стригут, а районное МВД совершенно обезлюдело. Знаю точно, поскольку месяц назад статью писал о буднях милиции, всякого от них наслушался.

– Кто же знал, что так события повернутся? – вступил в разговор Говоров. Мы с Павлом всё по-тихому хотели проверить, не привлекая внимания. Народ в наших деревнях жуть как любопытный. Развлечений здесь немного, а посматривать за приезжими можно бесплатно и хоть круглые сутки!

– И вот результат, – невольно притопнул я каблуком, – секретность полностью соблюдена! Соблюдена до такого абсолюта, что даже единственный путный свидетель растворился без следа и какого-либо остатка! Но уж раз мы здесь оказались, то попробуем выжать максимум из того материала, что у нас имеется. Расскажи для начала, как вся эта история начиналась, только подробно.

– Случайно всё произошло, без каких-либо внешних предпосылок. В редакции поручили написать ряд статей о знаменитых земляках, вот я и занялся, благо можно было собирать материал без отрыва от основной деятельности. Вначале думал написать о Гончарове, а потом, работая с его биографией, наткнулся на фамилию Перси-Френч. Ну и пошло-поехало... Ведь наш великий писатель именно в Киндяковке написал свой знаменитый роман «Обрыв», и все действующие лица в основном и срисовывались с родни нашей графини! А Екатерина потом, как бы в память о нём и построила свою уникальную беседку на высоком берегу Волги...

– Может, всё же перекусим, – перебил его Алексей некоторое время нерешительно переминавшийся у раскладного столика с пакетом молока в одной руке и куском копчёной курицы в другой. А то всё разговоры, да разговоры, а подкрепиться-то и некогда!

Следующие пятнадцать минут мы были заняты поглощением приготовленных нашими хлебосольными аборигенами яств. И надо признать честно, качество и мясных и рыбных закусок было великолепным.

– Попробуйте нашей «Царской» колбаски, – пододвинул Павел ко мне пластиковую тарелочку с нарезкой, – пальчики оближите! Всё заслуги незабвенного Алексея Николаевича Косыгина. Хоть он почти всю жизнь в Кремле прозаседал, а родину свою всё же не забывал.

– Почему именно его? – еле выговорил Михаил, набивший рот варёной ветчиной.

– Уж очень он любил отдыхать в нашем Муранском бору. Соответственно и покушать вкусно, на природе, тоже любил, особенно в приятной компании. Оттого, даже сейчас в нашей Сызрани, насчёт покушать – нет проблем. Лучший в Среднем Поволжье мясокомбинат, это раз. Знаменитейший молочный комбинат, это два. Рыбхоз, спецфермы, сады и прочее, не говоря уж о самом современном, по тем временам, хлебокомбинате.

– Да он и сейчас хорош, – поддакнул Алексей. Уж я-то знаю, поскольку несколько последних лет занимаюсь поставками муки по городу. Раньше мы с комбинатским часто по работе пересекались. Но в последнее время Пашка много писал о копателях, которые занимаются поисками старинных кладов! И уж очень мне данная тема понравилась! Как-то одним парнем поболтал, который с приятелями регулярно на речку Усу ездил, искали на обнажившихся островах старинные монеты! Представляешь, за один день сразу полторы сотни ордынских монет нашли, серебряных!

После этих слов Зацаринный столь выразительно взглянул на своего приятеля, что тот мигом поперхнулся и сконфуженно умолк.

– Наверняка наши любительские похождения Александру Григорьевичу абсолютно неинтересны, – негромко произнёс он в дополнение к взгляду. А ты Лёха, тоже нашёл, чем хвастаться, несколько монет нашёл. Подумаешь монеты! Здесь нам может настоящее сокровище попасться!

Конец трапезы прошёл в полном молчании. Каждый думал о своём, но судя по выражению лиц нашей четвёрки мысли эти были не самого оптимистического свойства. И это естественно. В тех условиях, когда не очень ясно, где именно и что следует искать, поневоле начинаешь задумываться. Впрочем, отчаиваться было рановато, поскольку впереди у нас было не менее четырёх часов светлого времени.

– Поехали-ка обратно в Трубечино, – предложил я, едва перекус завершился, – ведь не один же Дятлов был в курсе того, где располагалась усадьба! Местные жители по любому должны были что-то про неё слышать! Пусть приблизительно, пусть неточно, но общее-то её расположение должно быть известно широкому кругу лиц. Возвращаемся в деревню и расходимся в разные стороны. Каждый опрашивает всех подряд. Собираемся потом около школы и обобщаем добытые сведения.

Через какой-то час активной беготни по пыльным улицам, наши знания о возможном месте проживания дореволюционной графини изрядно пополнились. Обобщённая человеческая память однозначно ориентировала нашу компанию в сторону единственной асфальтированной дороги, ведущей из Трубечино на северо-запад. Соединяла она нашу деревню с неким населённым пунктом под названием Дружба. Если проехать по ней около полутора километров, то где-то справа, там, где кончается вековой лес, вроде как и находилась искомая нами усадьба. Именно таков был результат массового сбора данных среди деревенских жителей и именно в указанное место мы помчались быстрее ветра.

– Вроде здесь! – пригнулся к рулю Алексей, повернув голову в сторону поросшей чертополохом обочины.

Наша четвёрка выбралась на прилегающую к лесу опушку и словно в поисках обронённого рубля расплзлась в разные стороны. Я же направился прямо к ближайшим деревьям, поскольку за ними проглядывалась небольшая поляна. И едва я на ней оказался, как все мои поисковые инстинкты невольно насторожились. Открывшаяся за лесополосой местность хоть и была давно заброшена, но с первого взгляда было件нятно, что так было не всегда. Слева проглядывались два странных углубления в почве, между которыми явственно виднелась двухметровая вдавленная в землю полоса, напоминающая давно заросшую дорогу. Трава была ещё невысокой и старая крепко наезженная колея просматривалась довольно чётко.

А круглые засыпанные битыми кирпичами проплешины, скорее всего, изначально были традиционными башенками, которое русское дворянство обожало ставить у въездных ворот

в свои загородные владения! Я сделал несколько шагов и немедленно убедился в своей правоте. Среди кустиков одуванчиков, пробивающихся сквозь скудную глинистую почву, я разглядел тёмно-коричневые осколки явно дореволюционных кирпичей. Дальнейшие выводы были вполне очевидны. Если дорога у меня за спиной, а въезд на приусадебную территорию прямо под ногами, то основные строения должны были быть там, где-то в глубине молодого елового лесочка.

– Эй, парни, – призывно замахал я рукой помощникам, – все сюда!

Выстроив свою поисковую команду редкой цепочкой, я не спеша повёл её по перелеску, строго наказав обращать внимание даже на малейшие изменения в рельефе, равно как и на следы человеческой деятельности. И буквально через несколько секунд разнообразные находки повалили как из рога изобилия. Подозрительного вида холмики, непонятно как выросшие на ровном месте, торчащий из земли тёсанный вручную камень, и зигзагообразные замкнутые траншеи, быстро дали мне понять, что первый этап поисков благополучно завершён.

С одной стороны всё было просто замечательно, но на самом деле хлопот лишь прибавилось. Ведь теперь следовало собрать самую точную информацию обо всех наших находках и занести её в блокнот. Было необходимо лишь выбрать на местности некую опорную точку или рукотворный объект, обозначить его воткнутом в землю колом, а затем все последующие действия проводить от этого центра. Собственно говоря, я и занялся этим в первую очередь. Срубил имевшимся в нашем арсенале топориком толстую ветку и обвёл взглядом обследованное соратниками пространство.

Сомневался я относительно будущего центра недолго. Лучшего места, нежели небольшой бугорок, расположенный в нескольких метрах от меня и придумать было невозможно. Во-первых, воткнутой в его верхушку репер был виден практически отовсюду. А во-вторых, в пределах пятидесяти метров от него располагались все основные сооружения усадьбы. И вот к ним я и начал свои коротенькие походы. Разумеется, никаких приборов GPS у нас тогда не было и в помине, а система ГЛОНАС была ещё в проекте. Так что действовать приходилось старым дедовским способом.

Вначале с помощью компаса устанавливался угол между направлением на север и направлением на объект, так называемый азимут. Затем широким шагом (каждый шаг ровно метр) я проходил по кратчайшему пути до первого объекта. После чего оставалось лишь занести полученные данные в блокнот. Записи выглядели следующим образом: №1 Аз. – 009, 23 метра, прямоугольный отпечаток в почве, три на четыре метра, углублён на 15—20 сантиметров. Ориентация восток-запад. В северном углу яма диаметром примерно в метр и глубиной 70 сантиметров, достаточно свежая.

После фиксации очередного объекта приходилось возвращаться обратно на холмик и оттуда начинать новый микро поход. Мои славные помощники, хотя и не очень понимали, чем я занимаюсь, помогали мне изо всех сил. Они работали такими подвижными опорными рейками. Иными словами находили и обозначали собой очередную достойную нашего внимания точку пространства. Одни «точки» были совсем небольшими, другие – побольше, а третьи сами по себе были столь значительны по размерам и структуре, что около них приходилось проводить дополнительные исследования и зарисовки.

Поскольку обследуемое нами место было весьма значительно по площади (всё же графская усадьба, а не избушка захудалого испольщика), то и времени на его освоение ушло изрядно. Только после семи вечеров я решил, что все достойные внимания места усадьбы зафиксированы с достаточной степенью тщательности, равно как и окружающая её местность. Можно было с чистой совестью сворачиваться и отправляться на заслуженный отдых, тем более, что мои бедные ноги просто стонали от усталости.

***

После столь суетного и насыщенного дня, даже скромный гостиничный номер показался желанным приютом. Раздевшись и поочередно приняв душ, мы с Михаилом уселись за стоящий у окна столик. Извлекли из сумок предусмотрительно захваченные из дома харчи и принялись вечерять.

– Можем себя поздравить, – удовлетворенно выдохнул Воркунов, мигом расправившись с первым стаканом чая, – местоположение усадьбы наконец-то установлено. Гляжу, наши напарники как-то вяло своё расследование вели. Солько времени ходили вокруг да около, а отыскать нужного места так и не смогли.

– Что ты от них хочешь, – остановил я его критику, – они ведь никогда подобными вещами всерьёз не занимались. Вот если бы ты бы вдруг взялся написать аналитическую статью в газету, представляю, что получилось бы в итоге.

Михаил осёкся, но буквально через минуту принялся развивать свою мысль в ином направлении.

– Я лишь хочу сказать о том, что Пашка и его приятель невеликие помощники в наших поисках. Интересно бы узнать, сколько ты им выделишь из общей массы найденного? Неужели же половину?

– До этого момента далеко, как до звёзд, голубчик! – успокоил я его. Ты подумай сам, у нас с тобой всего два дня на всё про всё, а мы до сей поры не имеем ни малейшего понятия что искать, а главное – где? Ты, кстати заметил, сколько там ям понарыто? Да ещё каких глубоких-то! Так что очень даже возможно, что все наши хлопоты напрасны и делить будет просто нечего.

– Но всё-таки, сколько по твоему мнению они заслужили?

– По мне, так лучше честно потерпеть поражение, нежели нечестно завоевать победу. Так что давай пока ковать победу, а раздел «медведя», оставим на потом!

– И что же ещё ты хочешь делать? Я уж так за день находился, что ноги совершенно не держат.

– Вот и будешь сидя трудиться. Очищай-ка стол, дружок, будем с тобой воссоздавать истинный план графской усадьбы и определять её положение на общем плане местности.

Казалось бы, сделать набросок местности от руки не так уж сложно, но профессиональный кладоискательский план представляет собой нечто иное. Такой план пусть и не обладает некоторыми достоинствами официальной топографической карты, но зато имеет и неоспоримые перед ней преимущества. Ведь не на одной стандартной карте не будет отмечено вывернутое бурей дерево или указано расстояние от центра ямы №3 до торчащего из земли каменного блока непонятного предназначения.

Много крайне полезной поисковику информации наносится на подобный план. Вот и на нашем обширном чертеже, занявшем практически два склеенных по узкой стороне листа миллиметровки формата А-3, вскоре появились почти все значимые объекты усадьбы. Большой дом (видимо основная барская резиденция), дом поменьше (мы окрестили его как «гостевой»), три, вытянувшихся в линейку амбара на периферии, обширная конюшня и ещё пара построек непонятного назначения. Разумеется, была нанесена и дорога (Трубечино – Дружба), от которой в сторону основных строений усадьбы вела еле различимая колея. Были грубо нанесены контуры ближайших лесов, даже отдельно стоящие старые деревья, ямы и немногочисленные крупные валуны.

Когда весь собранный за прошедший день материал получил свою графическую привязку, выяснилась крайне неприятная подробность. Оказалось, что из окон трубечинской школы основная территория графской усадьбы не просматривается совершенно. Частично её

прикрывал крутой скат холма, а частично длинный «язык» старого смешанного леса, который этот холм опоясывал. Открытие подобного рода стало лично для меня весьма неприятной неожиданностью. Собственно говоря, вся моя затея с созданием плана местности и была изначально направлена на то, чтобы поскорее выяснить, какие же именно усадебные постройки видны со стороны школы. Выяснилось – никакие! Михаил, заметив, что я недоволюсь насупился, забеспокоился.

– Что-то не так, – принялся водить он пальцем по листу миллиметровки, – где-то ошиблись?

– Нет, – замотал я головой, – нарисовали мы всё правильно. Но ты ведь помнишь, старик Дятлов особо указывал на тот момент, что место залегания клада видно от здания школы. А как сам можешь видеть, с той стороны территория усадьбы не видна совершенно, лес стоит стеной. Я-то надеялся как-то сузить район поисков, а вышло так, что он сузился до нуля! Что теперь делать будем?

Воркунов неопределённо пожал плечами.

– Вот и я говорю, – повторил я его жест, – пока рано ещё отказываться от услуг Павла и его приятеля. Глядишь, именно они помогут нам завтра как-то разобраться в этой головоломке.

На этой не слишком оптимистической ноте первый день нашего пребывания на сызранской земле успешно завершился. Подготовившись к утреннему выходу в «поле», мы дружно завалились в кровати.

Глава третья. Пустопорожние поиски

Павел и Алексей оказались на диво пунктуальны. Как и было обговорено накануне, они подъехали к нашей гостинице ровно в половине восьмого. И мы, до поры до времени, храня полное молчание, снова покатали в Трубечино. При этом я специально попросил Алексея остановиться у школы, чтобы в буквальном смысле носом ткнуть Павла в обнаруженное вчера вечером несоответствие. Мы с ним вдвоём поднялись к дверям старинного здания, где расстелив свой план на стоящей рядом скамеечке, я бесцеремонно подтянул его к нему за рукав.

– Смотри, Павлуша, – постучал я пальцем по листу миллиметровки как раз в том месте, где у меня была нарисована школа, – мы с тобой сейчас как раз здесь. Вот дорога, вон, видишь, мачта электропередачи её пересекает, поворот на Дружбу, и большой лес на бугре...

– И что? – вопросительно повернул ко мне голову.

– А то, что выявленная нами вчера усадьба Перси-Френч находится точнёхонько за лесом! А теперь, дорогуша, ответь мне, пожалуйста, каким образом и из какого окна твой Дятлов мог видеть то место, где якобы был спрятан некий клад? Причём тот лес никогда не рубили, я специально проверял. Деревья возрастом до двухсот лет, а пиленных или сгнивших корней практически нет! И ширина того массива, если смотреть от деревни, более двухсот метров, даже зимой ни черта не разглядишь!

Зацаринный гулко откашлялся, будто собираясь ответить, но всё же не сказал ничего. Вместо этого он выпрямился, отошёл на несколько шагов и пару минут вглядывался вдаль, словно пытаясь разглядеть давным-давно исчезнувшие строения. Затем он ещё раз откашлялся, вернулся к скамейке и с ходу выложил несколько версий, причём таких, до которых сам бы я никогда не додумался.

– Возможно, Николай Петрович выразился образно. Он, в разговоре со мной точно имел в виду некую конкретную местность, пусть и прикрытую лесным массивом. Он же местный, мог видеть усадебные дома умозрительно. И кроме того в усадьбе могло находиться некое высокое сооружение, башня например или...

– Ты скажи ещё вышка для сотовой связи, – насмешливо фыркнул я.

– Нет, разумеется, не вышка, – даже не улыбнулся Павел моей остроте, – но может быть какой-нибудь иной символ? Герб, флаг какой-нибудь, наконец, мог висеть достаточно высоко! Так же там могло быть ещё какое-нибудь строение, по необходимости вынесенное за территорию основной усадьбы. Ну, там, какая-нибудь сторожка, или балаганчик для конюхов...

– Ага, – не удержался я, – а под балаганчиком как на грех оказался солидный кирпичный подвальчик, да такой глубокий, что местные копатели до сих пор его не отыскали! Нет, нет, голубчик, так не бывает. Иначе, зачем бы твой старикан упоминал о том, что он именно видел место захоронения клада? Но только мне непонятно одно. Раз он данное место вроде как видел, то почему не взял на себя труд дойти до него с лопатой и проверить? Зачем ему нужен был именно чертёж усадьбы? Почему составленный им самим план его не удовлетворял? Что-то тут у нас не вяжется, что-то не клеится!

– Видимо требовалось отыскать объект, следы которого затерялись безвозвратно.

– Какой-то бред сивой кобылы получается, – несогласно замотал я головой. Вот он план, перед нами лежит, и дальше-то что с ним делать?

– Другой план, – в свою очередь завёлся и Зацаринный, – официальный был нужен! На настоящем плане есть не только квадратики и кружочки, но и подписи под ними. Конюшня, например, амбар для сена, беседка, хозяйский дом, и всё такое прочее. У нас-то план слепой, а тот был, как бы это поточнее сказать..., зрячий!

В словах Зацаринного имелся определённый резон. Вполне вероятно, наш ветеран хотел увидеть вовсе не местоположение определённого строения, а то, как оно было обозначено на дореволюционной гербовой бумаге. Ведь в действительности он мог знать только то, что под, допустим, кузницей закопано нечто ценное. И всё! Но если не знать, какая проплешина на территории усадьбы некогда была кузницей, то копать вслепую можно до «морковкиного заговенья».

К сожалению, подобный вывод сводил к нулю все наши потуги что-либо отыскать побыстрому. Чисто теоретически конечно сохранялись шансы прочесать всю территорию бывшего лесного городка, но на это могла уйти целая неделя. И теперь именно мне предстояло решать, что же делать дальше. Либо пытаться сделать магнитометрическую съёмку всей интересующей нас площадки, либо же, сворачиваться и отправляться в Москву не солоно хлебавши. Первая идея была вполне осуществима технически, вот только времени на неё не было. Вторую же мысль я с негодованием отверг. Вот ещё, ехать столь далеко и бежать столь позорно, при первой же неудаче! Нет, подобное поведение было не солидно и напрочь подрывало мой имидж бывалого кладоискателя.

Выход из почти тупиковой ситуации нашёлся на диво быстро, за то время, пока мы спускались с холмика вниз. Я сообразил, что каких-либо подземных сооружений в графской усадьбе не могло быть много. Нужно было просто возвратиться туда и попытаться определить, где именно они могли располагаться. Только после этого появлялся шанс провести качественные инструментальные поиски за весьма ограниченный срок. Так что к нашим соратникам, нетерпеливо переминавшимся около автомобиля, я подошёл преисполненный самых смелых замыслов. Уселся на переднее сиденье, и на правах самозваного руководителя экспедиции, повелительным тоном скомандовал Алексею: «Вперёд!».

***

Пристроив «Ладу» под пушистыми «лапами» могучей ели, мы расстелили план усадьбы на её капоте и склонились над ним, словно наполеоновские генералы, обдумывающие генеральное сражение с Кутузовым.

– Пусть меня поправят, если я несколько искажу исторические реалии, но общая картина происшедшего для меня представляется следующей, – начал я вступительную речь. В самый напряжённый момент, когда власть в стране менялась, и всё вокруг летело в тартарары, хозяйка усадьбы находилась в отъезде, а мы знаем, что близких родственников у неё не было. Отсюда следует единственный и очевидный вывод. Спрятать пусть и небольшое по объёму, но достаточно ценное имущество графини мог только посторонний, но достаточно преданный ей человек!

– Ну почему же посторонний? – мигом возразил Зацаринный. В старинных усадьбах было принято привечать даже дальних родственников или просто друзей. Некоторые проживали так годами! Их так в старину и называли – приживалы. Я полагаю, что кто-то из них вполне мог присмотреть за имуществом хозяйки.

– В смысле припрятал часть её имущества, так сказать, до лучших времён, – добавил Алексей. Но время его или их наверняка сильно поджимало. Поэтому проще и быстрее всего что-то спрятать в ранее построенном тайнике, не правда ли? Нам осталось сообразить, где на территории усадьбы подобный схрон уже существовал.

– Возможностей как всегда есть несколько, – постарался я вновь переключить внимание мигом заспоривших соратников на себя. Надо попытаться смоделировать ход тех далёких событий. Вот ты, – повернулся я к втихомолку жуящему печенье Михаилу, – как бы поступил, если бы срочно пришлось прятать собственное золотишко?

– В сортир бы его побросал, – без тени иронии на лице отозвался Воркунов. А что, – обвёл он наши вытянувшиеся лица, – тут целая тысяча неоспоримых преимуществ. Быстро, надёжно, и сроду никто и никогда с поисками туда не ползет!

– Ну, да, – недоверчиво покрутил я головой, – оно, конечно же, побросать можно быстро. Но если посмотреть на эту уловку с другой стороны, то получается вовсе не так здорово. Представим себе, возвращается скоро хозяйка, а ты её с порога «радуешь»: – не извольте беспокоиться, барыня, ваше любимое кольцо я в отхожее место запулил, там оно сохранней будет. Да ведь она потом сие кольцо сроду никогда не наденет! Вся помещицья тусовка со смеху бы попадала, если бы она решилась на подобную глупость. Нет, нет, парни, местный туалет в качестве тайника нам никак не подходит, думайте дальше. Напрягайте извилины, вспоминайте всё, что когда-нибудь слышали о том, для чего в подобных усадьбах делались подземные укрытия. Хочу сразу прояснить суть моих вопросов. Мне кажется, что таких мест, такого рода хранилищ может существовать, н-у-у парочка, не более того. Если нам удастся их умозрительно выявить, то соответственно появится и шанс проверить их на наличие металла...

– А если зарыли попросту в какой-нибудь яме? – неуверенно поинтересовался Андрей.

– Могли и в яме. Могли и в лес отвезти, на соседнюю просеку, или на тот же пчельник, а почему нет? Но если так, то дальнейшие поиски проводить не имеет смысла. Чтобы обыскать все окрестности мне понадобится полгода и пяток ничем иным не занятых помощников. У нас же нет ни времени, ни сил на столь масштабные изыскания. Времени хватит только на то, чтобы выявить и прозвонить два-три подвала, если они конечно здесь есть. Я понятно выразился?

Все дружно кивнули.

– Раз понятно, то прошу высказываться. Миша, ты первый.

Обсуждение проблемы много времени не заняло. Перечислю по порядку, какие версии были выдвинуты после пяти минут напряжённого мозгового штурма.

- Подземный ход (от нападения воров)
- Ледник для скоропортящихся продуктов
- Семейный склеп
- Винный погреб
- Просто погреб (для временно ненужных вещей)

Первый и третий пункт после недолгих дебатов были решительно отвергнуты. Подземный ход в чисто сельскохозяйственном районе был абсолютно никому не нужен, а подозревать наличие подземных захоронений в столь благолепном месте было, по меньшей мере, странно. В сухом остатке оставался лишь кухонный ледник и два (вероятных) подвала.

– Где может располагаться хоть какой-то подвал? – голосом матёрого преподавателя странной науки «Обществоведение», спросил я, обращаясь сразу ко всем.

– По идее, – моментально отреагировал Алексей, – ледник мог находиться неподалёку от кухни. И ведь нужен он именно там, а не где-либо ещё! Ну, не таскать же масло или рыбу на разделку за тридевять земель!

– В таком случае нам нужно срочно выяснить, где стояла кухня? Есть идеи, как её отыскать?

– Она точно стояла неподалёку от главного дома, – постучал прутиком по бумаге Зацаринный, – блюда на стол госпожи должны были поступать горячими. К тому же всегда можно было запросто крикнуть прямо из окна, чтобы кухарка Агафья принесла ещё один кувшин с квасом. Так что кухней мог быть либо этот квадрат, либо вот этот прямоугольник. И квадрат даже предпочтительней. Объясню. Я вчера как раз там стоял, изображал рейку..., так вот кирпича там битого много, причём кирпича сильно обожжённого. Полагаю, что именно там стояла печь для готовки. Потом её, разумеется, разрушили и целые кирпичи растащили по домам, но осколки-то остались на месте.

– Думаю, что и наш допотопный холодильник был выкопан не так далеко от основного здания и кухни, – включился в игру и Воркунов. По той же самой причине, чтобы за холодной водкой для гостей не далеко бегать, – под всеобщий хохот закончил он.

Перебрасываясь на ходу шуточками, мы зашагали вглубь молодого леса. Добравшись до места, где, по нашему общему мнению располагалось основное здание усадьбы, мы разбрелись в стороны, стараясь более точно установить местонахождение приусадебного пищеблока. Павел двинулся направо, Алексей налево, а Михаил остался со мной.

Мы с ним некоторое время топтались внутри фундамента бывшей кухни, пока нам не замахал рукой Говоров, успевший изрядно углубиться в заросли. Приблизившись к нему, мы оказались на краю не замеченного нами накануне провала, глубиной никак не менее двух метров.

– Как считаете, Александр Григорьевич, – поинтересовался Алексей, успевший спуститься вниз, – подходит данное место для усадебного ледника? По мне, так для него лучше места не найти!

В чём-то он был прав, вернее сказать, во всём. Начать с того, что вокруг именно этой ямы так же валялось много кирпичных обломков, среди которых попадались и приличные по размерам каменные валунчики. То есть было ясно, что этот погребок был облицован изнутри прочными камнями. Расположен ледник тоже был с толком. С южной стороны его прикрывал близко подступавший старый лес, с восточной же угадывалась некая проплешина, на которой вполне могла стоять выносная кухня или столы для сервировки фуршетов. К тому же и яма и проплешина, и поляна с фундаментом большого здания чётко укладывались на прямую линию. Явно не простая случайность, а изначальная задумка архитектора.

– Создаётся такое впечатление, – подошел к нам сзади Павел, – что те ребята, что копались здесь до нас, следовали той же самой логике.

– Не удивлюсь, если узнаю о том, что и источник первичной информации у них был тот же самый, – не скрывая своего разочарования отозвался я. Те, кто был здесь до нас, опирались на показания всё того же Дятлова. Они, на мой взгляд, сделали всё возможное, но однозначно потерпели неудачу.

Мои соратники удивлённо переглянулись.

– Да, да, – подтвердил я, – однозначно. Каждый из вас видит это собственными глазами, только не отдаёт себе отчёта в том, что видит. Пойдёмте все со мной, объясню свою позицию.

Я подвёл соратников к краю глубокой ямы, что была выкопана в середине центрального здания.

– Смотрите парни, – обвёл я пальцем её периметр, – какая грандиозная вырыта ямина! А вот та, что ближе к лесу, на месте вероятного ледника поменьше будет. Значит, в первую очередь они рассчитывали отыскать нечто такое этакое именно в резиденции самой графини. Копали, копали, но не нашли. Перебрались на запасную позицию, к леднику, и там активно порылись, но с меньшим энтузиазмом, нежели тут. Видно тоже безрезультатно. Тогда отправились на яму №3, что за теми кустами. Что там прежде было, сказать не берусь, но явно что-то складское стояло. И там они выкопали не точечную яму, а целую траншею, пусть и неглубокую. Может быть, как раз искали некий фундамент. В заключение, вся эта компания поползла к дороге и последнюю, самую мелкую ямку сотворила около неё. Так что мы видим чёткую последовательность постоянно убывающих надежд, выражающихся в уменьшающихся по глубине ямах. Так что ваш Дятлов потому и обратился к Павлу, что ранее потерпел неудачу с ранее задействованной командой землекопов.

– Всё что ты говоришь очень познавательно, – нетерпеливо вклинился в мою лекцию Михаил, – но нам-то, что теперь делать? Получается, что эти деятели порылись везде, где только можно? Что, неужели для нас шансов не осталось совсем?

Нужно было что-то ответить, но никакие слова утешения и надежды как-то даже не приходили в голову. Если быть откровенным, то надо было честно признаться своим соратникам в полной бесперспективности нашей затеи, после чего возвращаться в Сызрань и далее в Москву. Но на лицах всей троицы застыло столь удручённое выражение, что я смалодушничал и вместо сурового приговора вынес только лёгкое порицание.

– У нас с вами остался самый последний шанс, – пафосно заявил я. И состоит он в том, что наши конкуренты, возможно, не имели такой поисковой аппаратуры, какая имеется у меня. Если они действовали лишь с помощью шанцевого инструмента, то вполне могли и промахнуться мимо цели. Можем попробовать «прозвонить» все те места, где нами выявлены места расположения хоть каких-то усадебных построек. Ну и, разумеется, все выявленные ямы, оставшиеся от наших предшественников, так же будут прочёсаны вдоль и поперёк.

После этих слов всё мигом вновь завертелось и закрутилось. Алексея и Павла отправили срезать несколько длинных веток, которыми планировалось пометать все подозрительные полигоны. Там, где проверка ещё не была проведена, ветки должны были торчать из земли, а где проведена – лежать. А Михаил взялся помогать мне навесить магнитометр на плечи, что сделать в одиночку было довольно проблематично.

Поначалу я начал свою проверку с лентой, но вскоре увлёкся и с азартом вышагивал по обозначенным веточками полигонам, благо они были не столь велики по площади. Ещё веселее дело пошло после того, как на двух местах были обнаружены следы металла. Алексей принёс из машины лопату и через некоторое время раскопки во второй яме явили нам первые находки.

Были они довольно скромными, но по-своему показательными. Под не слишком толстым слоем грунта обнаружились следы, оставшиеся от предыдущих кладоискателей. Четыре небрежно вскрытых консервных банки, пластиковые тарелки, вилки и совершенно неожиданная вещица – кожаная ключница. Неплохо сохранившаяся, с поржавевшими ключами внутри, она мигом привлекла моё внимание. Скорее всего она вывалилась из кармана того человека, который и зарывал здесь остатки трапезы. Кожа её совершенно размякла, но мне удалось открыть встроенный внутри ключницы карманчик. В таких карманчиках иной раз остаются всевозможные интересные бумажки.

И надо сказать мне повезло, бумажек было обнаружено даже несколько. Несколько полу-сгнивших мелких купюр и билет на поезд. Сохранность его была неважной, но мне удалось разобрать, что он был продан в 2003-м году, а поезд отправился из Санкт-Петербурга. Мои догадки, таким образом, блестяще подтвердились. До контактов с Зацаринным, наш информатор сделал попытку разобраться с тайной Перси-Френч, используя услуги сторонних варягов. И судя по тому, что он свою попытку повторил, раскопки точно оказались безуспешными. Данный факт прибавил как оптимизма (ведь шансы найти хоть какой-то клад пока сохранялись

Так мы трудились практически до двух часов дня, и, по моему мнению, достаточно тщательно проверили все места, где теоретически возможно было что-то спрятать. Общий итог был, в общем-то, неутешительный. Кроме небольшой кучки бытового железного лома, да оброчённой ключницы, ничего интересного найдено не было. И по выражению лиц моих спутников было понятно, что они смирились с неудачей и не ждут от меня никаких сенсаций. Поэтому, закончив чисто формальную проверку последней, отмеченной парой веток, полянки, я подозвал Михаила и принялся освобождаться от изрядно намявшего спину магнитометра.

В принципе можно было собираться и уезжать, но погода была прекрасной, и перед тем, как разжечь обеденный костёр, Говоров вызвался проводить нас к ручью, где мы смогли бы немного освежиться. Путь оказался неожиданно длинным. Выйдя из окружавшего территорию усадьбы леса, мы пересекли довольно широкий луг, после чего вошли в давно заброшенный и одичавший яблоневый сад.

– Читал, что когда барыня отправлялась прогуляться в свой сад, – рассказывал по дороге Зацаринный, – то перед ней раскатывали ковровую дорожку!

– Красиво жить не запретишь, – равнодушным тоном поддержал разговор Михаил, – но как-то далеко они свой сад-то разбили. Тут ведь чуть не полкилометра будет. Надо полагать, дворовые девки не слишком одобряли причуду своей госпожи. Тут замучаешься дорожки расстилать, а потом убирать. И вообще, могла бы и просто в ботинках прогуляться, небось, ног бы себе не намяла!

Я слушал брюзжание своего друга вполуха, но что-то в его словах неприятно царапнуло мой слух. Было понятно, что он только что сказал нечто важное, но что именно и почему важное, было непонятно. Тем временем мы прошли мимо рядов старых, изувеченных временем и заброшенностью яблоневых деревьев и принялись спускаться в неглубокую лощину. Обещанный Павлом ручей оказался совсем мелким и нешироким. Преодолеть его можно было простым шагом, даже без прыжка. Песчаное дно его украшали длинные желтоватые водоросли, слабо колышущиеся под воздействием вялотекущих вод.

Присев на корточки я погрузил ладони в прохладную жидкость и с удовольствием плеснул несколько пригоршней на взмокшее от длительной ходьбы лицо. Потом не удержался и выпил несколько глотков удивительно сладкой (не чета московской горечи) водицы. Встал, хотел что-то сказать своим спутникам и только тут до меня дошёл сокровенный смысл произнесённой Михаилом фразы. Вернее будет сказать не смысл, он был тривиален, а вывод, который можно было из неё сделать.

– Паша, голубчик, – повернулся я к утирающему лицо платком репортёру, – а ты случаем не в курсе того, как столь большая усадьба снабжалась водой? Неужели из этого тощенького ручейка? Ведь там помимо людей и довольно много лошадей находилось! А если гости понаедут, а баню для них после охоты захочется устроить. Да просто сил не хватит воду отсюда таскать! Тем более что зимой здесь вообще всё промерзало нафиг!

На лице Зацаринного промелькнуло выражение лёгкого недоумения.

– Вода... откуда? – неуверенным голосом ответил он. Да чёрт его знает откуда они её носили! Колодцы, наверное, были..., вероятно, оттуда её и доставали...

Ответ меня не слишком убедил, и весь обратный путь я размышлял над тем, сколько же колодцев должно было находиться на территории усадьбы. По идее на бытовые нужды графской челяди могло хватить и одного, но учитывая приличное количество лошадей (а им воды требовалось не в пример больше) их должно быть два или даже три. Но странное дело, сколько я не вспоминал, ничего похожего на место нахождения даже заброшенного колодца припомнить не мог. А ведь мы вчетвером буквально рыли землю носами, стараясь разглядеть на почве даже малейшее углубление.

И только во время совместного приготовления обеда (как все полагали заключительного) тема неожиданно получила продолжение. Размешивая залитый кипятком «Доширак» Павел вдруг поднял глаза вверх, отчего кожа на его лбу собралась в гармошку и произнёс: – То-то он всё время о бане вспоминал!

– Кто вспоминал? – удивился Алексей, сидевший напротив него около решетки, на которой запекались две довольно большие рыбины.

– Да старикан этот – Дятлов, – недовольно сморщился Зацаринный. Я говорю, – повернулся он ко мне, – совсем забыл сказать вам об одной мелочи...

– Про баню?

– Именно! Когда мы с Николаем Петровичем беседовали..., особенно во второй раз, он то и дело про какую-то баню вспоминал. Причём как-то бессвязно, непонятно, и я этому

не придал ни малейшего внимания. А теперь, после того, как и вы этот вопрос подняли, я и подумал, что он неспроста о ней упомянул.

– В смысле чего?

– В том смысле, что баня, особенно русская, сооружение особенное. И строится она, как правило, около воды. Без близкого расположенного источника воды она просто смысла не имеет. Значит...

– Значит, – подхватил я, – приусадебная баня была построена либо там, у дальнего ручейка, либо где-то здесь, но место где она стояла, мы с вами пока не нашли.

Новая идея возродила и новую надежду. Торопливо покончив с едой, мы разделились на две пары и отправились разыскивать следы той легендарной бани, о которой непонятно почему упоминал Дятлов. Одну пару образовали Алексей с Михаилом, они отправились осматривать берег ручейка. Мы же с Павлом принялись уж и не знаю по какому разу обходить территорию усадьбы. Довольно скоро стало ясно, что пропустить столь масштабное сооружение, как баня мы просто не могли. Объясню наглядно. С западной и северной стороны от усадьбы простирался обширный плоский луг, и строить там что-либо подобное никто бы не стал. С востока сразу за леском начинался крутой склон в болотистую равнину и на подобном косогоре возводить постройки тоже не принято. А с южной стороны, за полосой старого леса, находилось шоссе, ведущее в посёлок Дружба.

Нагулявшись по зарослям, мы вернулись к машине, где нас нетерпеливо ожидали наши соратники.

– Ну, как результаты? – спросил я у Михаила.

– Дохлый номер, – отрицательно помотал он головой. Ни камешка, ни даже одного кирпичика не попало. Да разве виданное дело без приличной печки париться? Но, ни малейших признаков той печи не отыскалось. К тому же и дров поблизости нет. Берега везде дикие, спусков или даже старых тропинок не выявлено. Не было там бани, да и быть не могло! Слишком далеко туда таскаться, пока вернёшься домой, опять упрешься. А что у вас?

– И у нас пусто, ни малейших следов, а главное – никаких признаков воды не видно!

– Может нам за шоссе сходить? – предложил живчик Алексей. Здесь, ей Богу, больше и смотреть нечего, а вдруг там чего...?

Ничего более здравого никто предложить не смог, и мы пошли. Не то, чтобы очень надеялись на некие сенсационные находки, просто хотелось поставить точку в столь неудачливом деле. Лично я, честно сказать, рассчитывал скоренько пробежаться по очередным зарослям и с чистой совестью попросить отвезти нас с Михаилом на вокзал. Ведь было предельно понятно, что искать нечего. Даже если и было что-то спрятано в далёкие революционные годы, то уж сто раз было вытащено и бездарно пропито.

Итак, мы пересекли шоссе, преодолели широкий кювет и оказались в какой-то непонятной местности. Между деревьями я быстренько усмотрел нечто похожее на древнеславянский курганчик, и только было собрался к нему подойти, как сзади раздался болезненный вскрик. Я обернулся. Метрах в пяти от меня со страдальческим выражением лица присаживался на корточки Воркунов.

– Что случилось? – рванулся я к нему на помощь.

– Чёрт, – болезненно простонал Михаил, – ногу чуть не разбил!

– Так разбил, или подвернул?

– Навалили идиоты людям под ноги каких-то булыжников, – вместо ответа буркнул он, – нормально пройти невозможно!

Я наклонился и помог другу освободить ногу, действительно попавшую в своеобразный каменный капкан. И, естественно обратил внимание на форму булыжников, в которые тот угодил.

Впоследствии я частенько вспоминал этот момент, и каждый раз спрашивал себя: Как бы повернулись наши дальнейшие дела, если бы мой приятель взял чуть правее или левее? И каждый раз приходил к тому мнению, что без определённой помощи той таинственной субстанции, которая в просторечье именуется судьбой, в тот момент точно не обошлось.

Камни, к моему удивлению, оказались очень не простые. Даже невооруженным глазом было видно, что каменные обломки, на которые столь неудачно налетел Михаил, некогда подвергались тщательной обработке.

– Парни, парни, скорее сюда, – замахал я нерешительно топчущимся неподалёку сызранчанам, – посмотрите, что мы тут нашли!

Общими усилиями некоторые из обтесанных блоков были вытащены из зарослей прошлогоднего бурьяна и рядком разложены на открытом пространстве.

– Они от какой-то постройки, – высказал своё мнение Зацаринный, – не иначе. Вероятно остатки обрамления входной двери в какое-то каменное сооружение. Видите, два блока сильно истёрты, скорее всего, подошвами. А вот эти практически новенькие и даже проточка узорная имеется по центру. Я такое где-то раньше в городе видел, причём не раз.

– То есть перед нами не современное творение? – уточнил Воркунов.

– Нет, нет, – подтвердил его догадку и Алексей. Сейчас всё цемент, да кирпич используют..., раньше так не строили. Точить песчаник в наше время даже и не пытаются. Камнерезы только при кладбищах остались, да и то, одни халтурщики.

– Их откуда-то притащили, – принялся я озираться по сторонам, – и сложили под прикрытием кустов. Смотрите, дорога совсем недалеко, и сложили их этакой аккуратной кучкой. Явно готовили к вывозу, но почему-то оставили, не взяли.

– Если здесь было некое каменное сооружение, то, наверное, следует его разыскать, – предложил Говоров. Как вы считаете, Александр Григорьевич?

– Считаю, что нужно, – закивал я. Растянемся в цепь, метров десять – пятнадцать друг от друга и пойдём вдоль шоссе. Если кто что-то увидит – кричите.

На самом деле долго искать не пришлось. Буквально через пятьдесят метров перед нами предстало то, что мы никак не могли отыскать за дорогой. Зацаринный первым натолкнулся на искомый объект, о чём немедленно и громко известил всех остальных. Вскоре все мы сгруппировались около квадратного водоёмчика в некоторых местах всё ещё обрамлённого каменной балюстрадой. Причём камни, из которых она была составлена, как две капли воды походили на только что найденные у дороги.

– Этот бассейн наверняка был барской купальней, – безапелляционно заявил Павел, – вон смотрите, там кажется, даже ступеньки сохранились!

Я опустил на колени и без колебаний сунул руку в почти чёрную воду. Вода была холодна как лёд и к тому же ощутимо скользила между пальцев.

– Скорее даже не купальня, – уточнил я, отряхивая мигом занывшую ладонь, – вернее сказать – облагороженный родник! Так вот откуда вся усадьба снабжалась водой! Именно отсюда! Оттого-то мы и следов колодцев там не нашли. Зачем какие-то колодцы, когда есть такой замечательный родничок!

После моих слов все сочли необходимым зачерпнуть по горсти воды и отведать того, что до нас пили только графы да князья. Напившись, мы, не стовариваясь двинулись вдоль проточенной водой канавки, в отличие от прочей серо-жёлтой местности, обрамлённой сочной и пышной зеленью. И чем дальше мы углублялись в чащу леса, тем меня всё более и более охватывала уверенность в том, что окружающий нас лес вовсе не естественный, а именно посаженный. Полянки, на диво правильной формы, обилие разлапистых лип и островки совершенно не характерного для центральной России кедра.

Когда же мы оказались на берегу круглого прудика, то все сомнения разом отпали. Мы гуляли вовсе не по лесу, а по одичавшему за долгие годы советской власти усадебному

парку. Прудик (в диаметре он был не более 15 метров), был окружён правильно уложенным валом, и очень скоро стало понятно, что по его гребню некогда пролегали дорожки для прогулок барыни и её многочисленных друзей и родственников. За первым прудом, местность несколько понижалась, образуя своеобразный коридор, пусть и заваленный ныне упавшими дубами. Завал был вполне преодолим и, разумеется, мы ринулись вперёд, одержимые вполне объяснимой жадной первооткрывательством. К всеобщему удивлению, за лесным проходом отыскался второй прудик, более камерный, заботливо обложенный тесаными каменными плитами. На некотором расстоянии от него нашим взорам открылись остатки фундамента какого-то прямоугольного строения. Вокруг него росли толстенные липы, и в жаркий летний денёк в подобном местечке было словно в тенистом раю.

– А барская баня-то стояла именно здесь, – вскинул над головой сильно закопченный обломок кирпичика Михаил. Поскольку стены у неё были деревянными, от них, как видите, не осталось и следа, а кирпичики от печи вот они, в наличии!

– Что-то маловато их тут, – поднял второй обломок Говоров, – на приличную печь точно не хватит.

– Полагаю всё более или менее целое давно выломали и куда-то вывезли, – со вздохом буркнул в ответ Зацаринный. У наших селян нет большей радости, чем что-нибудь сломать и загадить. Боюсь себе даже представить, что случилось бы с пирамидой Хеопса, окажись она на нашей территории. За полгода не осталось бы и камешка, всё растащили бы по хатам.

– У нас не со зла так получается, – примирительно сказал Воркунов в ответ на столь нелюбезное заявление, – а от многовековой нищеты. А как говорили в старину – нищий сраму не имёт! Так что будем надеяться на то, что когда народ наш малость разбогатеет, то практически автоматически станет малость добрее, человечнее и опрятнее.

– Слушайте, – вклинился в наш разговор Алексей, – а зачем мы эту баню-то искали? Ну, вроде как нашли её, и дальше что?

– Действительно, – спохватился я, – что мы время на пустые разговоры растрчиваем? Ты сходи к машине, – попросил я Говорова, – принеси мой рюкзачок с прибором, он в багажнике лежит. А вы, братцы, – повернулся я к застывшим в ожидании распоряжений Михаилу и Павлу, – составьте-ка по-быстрому примерный планчик этого замечательного местечка. Вот вам блокнот, компас и карандашик. Я же пройдусь вдоль стока из второго прудика, взгляну на перспективу.

Путешествие моё было непродолжительным. Липовые посадки вскоре закончились, после чего начался хаотический и крайне разнокалиберный березняк. По тощеньким диаметрам древесных стволов было понятно, что им не более чем по 10—20 лет, и значит, посажены они были в последние годы советской власти. Хаотичные заросли оказались невелики по занимаемой площади. Два, три десятка шагов и передо мной словно распахнулось одно из полотен Васнецова. Я стоял лицом к довольно широкой речной долине, ограниченной справа старой, давным-давно разрушенной плотиной. Слева же, за земляными валами, украшенными редкими посадками слабо-зелёных кустиков, виднелись крохотные деревенские домики и стальные столбы линии электропередачи.

Техногенный пейзаж меня не заинтересовал, ведь гораздо интереснее было смотреть вправо. Я представил себе, что плотина ещё не разрушена и всё пространство лежащей ниже долины залито отливающей оливковым отсветом водой. По ней неторопливо скользит двухвёсельная лодочка, в которой офицер в белом мундире катает золотоволосую девушку. Барышня хохочет и прикрывается от брызг небольшим кружевным зонтиком. А на нижней площадке белой лестницы, спускающейся к украшенной розовыми цветами крохотной пристани, стоит слуга с серебряным подносом, накрытым льняной салфеткой. Журчит стекающая по косогору вода, вразнобой щебечут птицы...

Я так глубоко погрузился в созерцание картин давно прошедшей эпохи, что когда рядом внезапно затрещали сучья, испуганно шарахнулся в сторону. Но это был всего лишь Михаил, вылезавший из-за кустов.

– О-о, да здесь, я вижу, солидный овражек раскинулся, – бросил он рассеянный взгляд вниз, – весьма милый видок. А ты что здесь застыл? Опять думаешь?

– Ага, размышляю. План набросали?

– В общем да, изобразили что смогли, уж не обессудь. Пойдём к остаткам бани, Алексей твой магнитометр уже принёс.

Я побрёл за Воркуновым, словно узник, приговоренный к казни на гильотине. Тупо шагал за его широкой округлой спиной и внутренне настраивался на предстоящую работу. Но сколько не напрягал свои кладочувствительные рецепторы, всё никак не мог представить себе, что под полурассыпанным фундаментом что-то могло быть. Мы преодолели небольшой холмик и с его макушки сквозь переплетения липовых сучьев, я увидел наших сызранчан. Они стояли прямо в центре старого фундамента и активно потрошили мой рюкзачок.

– Никак хотите работы ускорить? – двинулся я к ним.

– И как только с помощью этой штуки можно определить, что лежит под землёй? – осторожно похлопал Алексей по коробке магнитометра. Мы вот, с Павлушей никак не сообразим.

– В теории всё довольно просто, – принялся я навешивать на себя брезентовую сбрую. Каждый металлический предмет на Земле, ну-у..., или почти каждый, имеет так называемую магнитную проницаемость отличную от единицы. Соответственно в той или иной степени данный предмет вносит маленькое искажение в естественное магнитное поле Земли. И мой небольшой приборчик, – подцепил я крепления к коробчатому корпусу, – помогает данные искажения обнаружить. На качество и скорость поисков, надо сказать сразу, влияет множество разнообразных параметров. Например, физические свойства конкретного металла, его форма, глубина залегания, расположение магнитных полюсов планеты и прочее. Но в процессе рутинной работы быстро познаёшь сопутствующие работе закономерности и учишься на ходу ориентироваться в подземной ситуации. А в общем и целом, дело не хитрое, только нужно побольше практики!

Подготовившись к «прозвонке» территории, прилегающей к бывшей бане, я вдруг отметил про себя, что Воркунова поблизости нет. Это было довольно необычно, поскольку на незнакомой местности он неизменно старался держаться как можно ближе ко мне. Чисто городской житель, он инстинктивно боялся леса и относительно уверенно чувствовал себя лишь на открытых пространствах. Но поскольку теряться в леске, зажатом с одной стороны асфальтированной дорогой, а с другой протяжённой низиной было просто негде, я не стал волноваться. Ведь ему достаточно было посильнее крикнуть, чтобы быть услышанным. Прибор был готов к работе, и прежде чем начать работу, я попросил Зацаринного показать мне тот план, что они с Воркуновым должны были нарисовать.

Бумага была мне незамедлительно вручена, и я принялся за её изучение. Документ, разумеется, не ахти какой, но даже и такой помогал лучше определиться в пространстве. Двумя прямыми росчерками была обозначена дорога на Дружбу, квадратиком – начало родника, прудики – кривоватыми кружочками. В общем и целом вся композиция вытягивалась практически перпендикулярно по отношению к шоссе. Вынув из-за уха карандаш, я волнистой линией пририсовал опушку парка и то место, где прежде разливался барский пруд. Завершив свой труд, развернулся лицом к северу и попросил своих спутников поискать неизвестно куда запропастившегося Михаила.

Поисковой работы на том месте, где стояла баня, было совсем немного. Сам фундамент был около шести метров в ширину и восьми в длину. Буквально две минуты и стало понятно, что мои пессимистические настроения были небезосновательны. На обрисованных каменными плитками пятидесяти квадратных метрах металлом даже и не пахло. На всякий случай я ещё

наматал несколько кругов по относительно свободной от растительности площадке, но результат был прежний, т.е. нулевой. Захрустели сухие сучья, и я повернул голову на звук. Из-за плотной гущи древесных стволов показался Михаил. Один. На его круглом лице было написано такое выражение, будто он как минимум выиграл в лотерею.

– Слу-у-шай, – горячо выдохнул он мне прямо в ухо, – я там такое видел!

– Ой, не пугай меня, – слегка отстранился я в сторону. Но надеюсь не логово волчьего семейства?

– Хуже..., в смысле лучше. Я тут побродил по окрестностям, отошёл подальше, чтобы спокойно посидеть в кустиках и случайно наткнулся на ещё один фундамент! Высокий, вот такой, – стукнул он себя по ноге несколько выше колена, – сложен из красного кирпича! Да, а здесь-то что-нибудь отыскалось? – только теперь обратил внимание Воркунов на висящий на моей груди магнитометр.

– Пустота, – мотнул я головой, – как в космосе.

– Может, пойдём, обследуем и мою находку?

– А ребят не видел, они пошли тебя искать.

– Нет, не видел, но уверен, что они не пропадут. Пойдём скорее, пока я не забыл, куда возвращаться.

Михаил повернулся и энергично устремился к одному ему известной цели. Я же пошёл за ним не столь быстро, а останавливаясь через каждые пять шагов и, на всякий случай делая замеры, а вдруг что попадётся! Вскоре деревья перед нами как бы расступились, и в центре довольно большой треугольной поляны я тоже увидел остатки какого-то строения. Сказать, что увиденное не добавило мне даже малейшего энтузиазма, значит ничего не сказать. Уродливый каменный прямоугольник действительно возвышалось где-то на 60—70 сантиметров от земли. Бетонная, неплохо сохранившаяся, плита площадью примерно в тридцать квадратных метров, лежала на неумело сложенном основании из кирпича. Основание некогда было столь же коряво оштукатурено, но к настоящему моменту штукатурка во многих местах отвалилась, обнажив ярко-красный, чисто советский кирпич. Вокруг постройки кое-где сохранились полусгнившие столбы, с которых свисали остатки колючей проволоки. Кроме проволоки один из них украшала сильно заржавевшая металлическая пластина. Приблизившись к ней я не без труда прочёл «__ское ле__во».

– Скорее всего, – подскочил сбоку Михаил, – здесь базировалось именно Вельяминовское лесничество.

– Невеликая база, – качнул я столб, который неожиданно легко начал крениться набок, – всего для двух мужичков с топорами. И мне кажется, для нас здесь ничего интересного нет и быть не может.

– Почему же? – искренне удивился Михаил. А я так был уверен в том, что здесь везде следует хорошенько поискать. Помнится, ты всё негодовал по поводу того, что та часть усадьбы не просматривается со стороны Трубечино. Но ведь место, этот бывший парк, где мы сейчас находимся, он ведь тоже к усадьбе относится!

– Ты так считаешь? – в свою очередь удивился я. С чего ты взял, что это место откуда-то видно? Я вот дальше чем на тридцать метров ничего различить не могу!

– Он не может различить, – всплеснул руками Воркунов, – Бог ты мой, какое горе! Ну, пойдём, я тебе всё покажу.

Михаил ухватил меня за рукав и буквально силой поволок мимо полуобрушенного забора к дальним берёзкам. Поскольку я уже представлял себе, что через несколько шагов мы окажемся на берегу бывшего пруда, то особо сопротивляться не стал. Но когда мы действительно выбрались на край свободного от растительности обрыва, Воркунов не стал демонстрировать открывшиеся красоты, а сразу развернул меня лицом налево. После этого он вытащил из нагрудного кармана раскладной бинокль и сунул его в мою левую руку.

– Видишь мачту электропередачи?

– Вижу, – подтвердил я, – пока не слишком понимая, к чему он клонит.

– Возьми влево от неё на... пол-ладони.

– И что?

– Прямоугольник белесый наблюдаешь?

– Хочешь сказать, – подкрутил я колёсико резкости, – что перед нами именно старая школа?

– Точно, – прихлопнул в ладони Михаил, – она и есть! И заметь, – повернул он меня лицом к лесу, – берёзовой поросли двадцать лет тому назад не было и в помине! А уж когда наш дедушка ходил в школу, так здесь и подавно было чисто как зимой на катке. Что же он, любезнейший наш, тут видел?

– Мог видеть, – поправил я.

– А мог он видеть лишь одно, – нетерпеливо мотнул головой мой друг, – опушку этого самого парка! Но не только её. Согласись, издали один лес от другого и не отличишь. Вывод – здесь раньше было что-то ещё, причём заметное с большого расстояния!

– Хочешь сказать, – махнул я рукой в сторону развалин лесничества, – что Дятлов любовался на домик лесников? Да это же явно социалистический новодел! Всё вкривь и вкось сделано, только колючка качественно натянута, по лагерному образцу. Никогда не поверю, что сия постройка стояла здесь в начале прошлого века. Не мог он её видеть, никак не мог!

– Надо всё же разобраться с этим вопросом, – отобрал Михаил свой бинокль. А где же местные ребята? Было бы неплохо и с ними посоветоваться...

Словно в ответ на его вопрос раздались голоса и наши спутники весело переговариваясь, вывалились из-за зарослей дикого шиповника.

– Слушай, Паша, – протянул Воркунов бинокль своему родственнику, – как ты считаешь, можно нас сейчас видеть со стороны Трубечино?

– Видеть, – с некоторой неуверенностью в голосе отозвался тот, – интересно, кому интересно за нами наблюдать?

– Я не про то, – принялся подталкивать его к краю обрыва Михаил, – ты посмотри во-он туда. Да, да, левее, видишь беленький прямоугольник?

Потом мы ещё минут десять по очереди смотрели в бинокль, и спорили о том, имел ли в виду старик – фронтовик именно данное место, либо какое-то иное. Потом наши разговоры плавно перетекли на тему возможности визуального отличия парковых посадок от естественно растущих зарослей. Как и следовало ожидать, обсуждение завершилось тем, что мы всё же вернулись к остаткам кирпично-бетонного строения. Столпились около столба с вывеской и принялись созерцать открывшуюся нам картину.

Да, конечно, особо смотреть было не на что, и тем не менее мы с Михаилом принялись разглядывать выщербленную по краям бетонную плиту с каким-то нездоровым вниманием. Алексей же, из-за своей неуёмной активности устоять на месте, разумеется, не мог и, запрыгнув на своеобразные подмости, принялся отбивать гулкую чечётку. Эти звуки, которая порождала бетонная плита, мигом породили у меня сразу два вопроса. Зачем был выстроен столь высокий цокольный этаж, и почему сторожка для лесничества была возведена именно в этом месте?

Ответить на первый вопрос я рассчитывал довольно быстро. Высокий цокольный этаж обычно сооружают в том случае, если под ним планируется соорудить подвал. Подвал под сторожкой вполне мог некогда быть, и я ринулся искать его. Но как не приглядывался, как не ползал по почерневшему от времени бетонному монолиту не смог углядеть в нём и малейшего следа не то что люка, но даже и малейшей сквозной щёлочки. Спрыгнув вниз, я принялся столь же тщательно обследовать периметр фундамента. Ведь в нём должно было быть хоть одно воздуховодное отверстие, без которого на Руси не обходится ни один приличный подвал. Разочарование постигло меня и здесь. Построенный из собранных с «бору по сосенке» кирпи-

чей был столь же однороден, как и лежащая на нём плита. Хотя, кое-какой результат от изысканий имелся. По высоте размытой сероватой плёнки я выяснил, на какую высоту в здешних краях поднимался снег. Высота эта была не велика, всего сантиметров тридцать, что было даже меньше половины общей высоты основания сторожки. Да и вообще, мне начало казаться, что для обычной бревенчатой или щитовой хижины совершенно не требовался столь внушительный фундамент. Загадка была налицо, и для её объяснения требовалось найти подходящие аргументы.

Я оглянулся в поисках поддержки от соратников, но те столпились в тесную кучку на приличном от меня расстоянии и тихо ржали над очередным анекдотом Алексея. Столь наплевательское отношение к нашему совместному предприятию меня ужасно покорило. Понятно местные, для них наш поход был подсобным материалом для газетной статьи. Но Михаил-то приехал со мной за 800 километров ради вполне определённой цели. И вот теперь, когда осталось так мало времени для работы, мой напарник решил почесать язык!

– Так, парни, – резким тоном прервал я их веселье, – вижу, вы уже закончили?

– А разве нет? – не переставая хихикать, повернулся ко мне Павел.

– Ну, если так хотите, то да. Осталось ответить только на два простеньких вопроса...

Теперь на меня смотрела вся троица. Но взгляды были несерьёзные, словно от меня ждали какой-нибудь незлобивой шутки.

– Вопросы следующие, – неторопливо двинулся я в сторону несколько расслабившихся сподвижников. Первый. Почему сторожку поставили именно здесь? Второй. Зачем её водрузили на столь массивный и высокий фундамент?

Недоумённое молчание повисло над полянкой, и я счёл необходимым подбодрить своих разом стусевавших помощников.

– Кто ответит верно и обоснованно хотя бы на один вопрос, получит лично от меня целый батон столь вкусной местной колбасы. Ну, смелее, кто первый?

– Может быть, что-то связанное с определённой скрытностью, – неуверенно выговорил наш водитель. Лесники, они того..., вечно норовят поглубже в лес забраться.

– Странная однако, глубина получается? – удивился я. Настоящие леса тут даже и не начинаются, так, парк какой-то. Другое дело, что от единственной дороги они действительно удалились на максимально возможное расстояние. Но такое удаление практически ничем особым лесникам не помогало. Скорее наоборот. Подъехать к дому, даже к месту его будущей постройки практически невозможно. Следовательно, все материалы для здания, будь то, кирпичи или брёвна, приходилось таскать на себе, что согласитесь не слишком удобно. Я много видел всевозможных лесничеств, и к каждому из них подходила дорога. Асфальтовая, разумеется, редко, но просёлочная – всегда и вплотную! Но здесь случай особый, как вы все видите, сторожка есть, и даже довольно приличная, а дороги к ней нет вообще!

– Может здание строили совершенно посторонние люди? – предположил Михаил. Где им сказали, там они и построили.

– Тогда почему начальник приказал выстроить её именно тут, ведь что-то должно было сподвигнуть его на такое решение? И вообще, можем ли мы выяснить, когда именно она была построена?

– Думаю, узнать не сложно, – ловко выудил Зацаринный из кармана куртки мобильный телефон в блестящем кожаном чехольчике. У меня по случаю имеется телефон начальника сызранского облстроа. Недавно брал у него интервью. Полагаю, если кто и сможет дать нам подобную информацию, то именно он.

Павел набрал номер и через несколько секунд вёл беседу со строительным чиновником. Впрочем, немедленного ответа он не получил. Тот сослался на то, что требуется заглянуть в какие-то документы и пообещал перезвонить позже.

– А что мы затормозились? – подал голос слегка заскучавший Воркунов. На кой чёрт нам сдались какие-то даты создания каких-то убогих построек? Яснее ясного, что к нашим поискам бывшая лесная избушка не имеет ни малейшего отношения. Надо искать дальше! Время-то посмотрите, четверть четвёртого, а мы не продвинулись ни на шаг! Давай решать, мы либо определяем следующий шаг в поисках, либо отправляемся восвояси!

В чём-то он был прав, но опускать руки, тем более перед посторонними людьми было просто постыдно.

– Если есть дельные соображения – поделись! – грубо рявкнул я на него. Мы здесь вообще что делаем-то? Правильно, пытаемся отыскать некие артефакты, оставшиеся со времён Октябрьского переворота. По всей видимости, на той части усадьбы, где мы работали с утра, ничего подобного нет. Может, там ничего никогда и не было. К тому же и мы, и наши предшественники поработали там на славу. Остаётся надежда лишь на эту часть усадебного комплекса. Но, как все видят, в этом одичавшем парке столько места, что на поиски уйдёт уйма времени. При этом есть лишь мизерная надежда, только крохотная вероятность того, что некая толика богатства графини Екатерины сохранилось до наших дней. И если их всё же спрятали, если успели укрыть, то, чёрт побери, не менее 90 процентов за то, что их спрятали в каком-то укрытии. Согласны?

– Согласны, согласны, – вразнобой закивали мои спутники.

– А раз согласны, то слушайте дальше, – всё больше и больше входил я в раж профессионала от кладоискательства. То, куда могли что-то спрятать, было готово, т.е. построено задолго до того, как начались крестьянские погромы и прочий революционный беспредел. Но об этом месте, об этом тайничке, может быть совсем небольшим, знал совсем узкий круг людей. Может быть всего два – три человека. Только при таких условиях можно надеяться на то, что спрятанное до сих пор цело. Теперь дружно напряжём наши мозги и попробуем вычислить, где мог быть тот тайничок! Подскажу для тугодумов. Всякий тайник легче всего организовать там, где: «А» есть, или предполагается построить некое сооружение, или «Б» изначально присутствует некий природный феномен. Ну, там дерево пятисотлетнее, или скала какая..., витиеватая, искусственный грот..., ну, что-то в этом роде. На предмет наличия подобных редкостей мы парк ещё раз осмотрим, но для начала, вернее сказать, для продолжения, хотелось бы закончить с местными рукотворными постройками. Подобных объектов пока выявлено всего три. Первый – обрамление источника. Второе – остатки бани. Третье – фундамент сторожки.

Тут я на секунду прервал свою речь, дабы перевести дыхание и меня тут же перебил Михаил.

– Да что тут проверять, – прихлопнул он ладонями по своим выцветшим джинсам, – дураку ясно, что сие, с позволения сказать, строение воздвигнуто много позже кончины бедной графини! Её косточки давно истлели на семейном кладбище, прежде чем сюда привезли первый кирпичик! Так что...

И в этот момент в руке у Павла заливисто забренчал телефон. Он предупреждающе вскинул её вверх, как бы призывая всех к молчанию, и поднёс аппаратик к уху. Несколько раз во время беседы кивнул головой, словно поддакивая невидимому собеседнику, и произнёс в заключение короткой беседы лишь несколько слов благодарности. Затем убрал телефон в карман и поддерживающее подмигнул Воркунову.

– А Миша в чём-то прав. Звонил Николай Валерианович и сообщил, что Вельяминовское лесничество на его балансе не числится с 1993-го года. Но он заверил меня в том, что оно было построено как раз перед Второй мировой. В 38-м, либо 39 году. Вот так!

– Ага, – вырвалось у меня, – тогда давайте прикинем биографию уважаемого товарищи Дятлова к истории возведения данного сооружения. В какое, говоришь, время он родился? – обратился я к Павлу.

– По его словам на фронт он попал в 43-м году в возрасте двадцати двух лет. Значит, родился в 1921-м году!

– В школу отправился в 28-м, – живо подхватил Михаил, – и если учился десять лет, то в 38-м точно мог наблюдать строительство сторожки.

– В данном вопросе не так всё просто, – остановил его Зацаринный, я наводил соответствующие справки. В те времена десятилетки ещё не существовало. В лучшем случае семилетка. Но если учитывать то, что в деревнях обычно начинали учиться только с восьми лет, то школу он, скорее всего, закончил в 36-м.

– Стало быть, – подвёл я итог обсуждению, – ни самого строительства, ни тем более готовых стен наш уважаемый Николай Петрович не видел. Но что-то он всё же видел, иначе и упоминать об этом месте ни в жизнь не стал бы!

Глава четвёртая. Счастливая догадка

Казалось, наше расследование окончательно зашло в глухой тупик, но тут пришла помощь оттуда, откуда и не ждали.

– Не сколько за ради колбасы, – вдруг подал голос Говоров, – но хотелось бы тоже высказать свою точку зрения. Тут ранее прозвучало, что лесническую сторожку построили в неудобном месте. Согласен, в некотором смысле она расположена не слишком удобно. Но уж если её установили именно здесь, то этому была вполне понятная причина. Ведь рядом был обустроенный источник воды, пруды, дорожки, да и сам парк в те годы был в не столь одиачлом состоянии. Кстати и посадки акации наверняка сыграли свою роль. Отсюда до них совсем недалеко, метров триста будет, – вытянул Алексей руку в сторону возвышающегося недалеко от нас мощного дуба. Местные лесовики точно там пасеку организовали, использовали, так сказать, производственный потенциал. Почему не предположить, что место для строительства было выбрано именно потому, что тут прежде действительно было некое строение.

– Абсолютно исключено! – отрицательно замахал руками Воркунов. Я обошёл остатки здания со всех сторон, и ничего старинного там не обнаружил, все материалы более-менее современные.

– Может быть, что-то находится внутри кирпичной коробки? – не сдавался Алексей. Вероятно, старая постройка была необычной формы и поэтому её использовали лишь частично.

– Я знаю, знаю, – звонко шлёпнул себя ладонью по лбу Зацаринный. Ой, это же так просто! Пойдёмте за мной, я всё покажу!

С этими словами он повернулся на месте и буквально вприпрыжку помчался... прочь от кирпичного фундамента. По-прежнему ничего не понимая, мы двинулись следом за ним. Я торопился меньше всех, ведь и так было понятно, что через пятнадцать секунд все мы окажемся на краю оврага. Так что когда я подошёл к умчавшейся группе, то услышал лишь окончание фразы, произнесённой Зацаринным.

– ...на точно таком же месте. Так что Екатерина повторила то, что сделала в родной Винновке.

– А что она там повторила? – прибавил я шагу.

– В 1912-м на южной окраине деревни Винновка, там, где прежде стоял дом Киндяковых, была построена мемориальная беседка. Полгорода собралось на торжественное открытие своеобразного памятника построенного архитектором Шодэ, в честь столетия со дня рождения Ивана Александровича Гончарова. Так Екатерина Максимилиановна отметила тот факт, что данный писатель некоторое время жил в имении Киндяковых, разрабатывая сюжет своего знаменитого романа «Обрыв». Потом её, правда разрушили (поскольку берег подмыло), и перенесли в другое место, но не в этом дело. Мне кажется, что и тут стояло нечто подобное той мемориальной беседке! Пусть творение не столь именитого архитектора, пусть нечто менее масштабное..., смотрите сами. Место весьма подходящее, тоже на краю обрыва, вблизи бани, в парке. Самое милое дело после хорошей баньки да посидеть с друзьями в беседке в тенёчке на свежем ветерке, попивая чаёк с собственным медком!

– Так ведь в то время беседки строились круглыми, – не преминул вставить Михаил, – а здесь мы видим правильное прямоугольное основание.

– Есть одно объяснение!

– Какое же?

– Основание ротонды может скрываться внутри кирпичной кладки. Полагаю, что вес бетонной плиты в основном ложится именно на неё. Стенки же более поздней кладки, как мне кажется, несут более декоративную функцию.

– Декорацию прочной не делают, – заметил Алексей, – максимум в полкирпича кладут. Давайте вернёмся и проверим.

– Может Александр просто прозвонит там всё своим прибором, да и поедем обратно, – заныл Михаил. Жрать охота, живот подвело!

– Да мой прибор там будет бесполезен, – потянул я его обратно в лес, – ты что, не видел, сколько там железа валяется? Прежде чем я приступлю, нужно будет всю проволоку снять и утащить куда-нибудь подальше. В противном случае я одни помехи зафиксирую.

Воркунов что-то недовольно буркнул в ответ, но меня его брюзжание не интересовало, и я поспешил вслед за скрывшимися в зарослях приятелями. А те уже придумали, как проверить свою догадку. Разумеется, никаких шанцевых инструментов кроме лопаты у нас не было, но возможности, чтобы удовлетворить наше любопытство, имелись. Говоров сходил к машине и через десять минут принёс заточенный с одного конца стальной штырь и довольно увесистый молоток. Выбрав подходящую точку сбоку одного из наиболее выщербленных кирпичей, он приставил к нему свой инструмент и принялся колотить по нему со всей силы.

К всеобщему удивлению после какого-то десятка ударов старый кирпич рассыпался в прах, и штырь едва не улетел в образовавшуюся дыру. Расширив отверстие, Алексей встал на колени и приблизил глаз к пробоине. Некоторое время он всматривался в неё, но затем встал и отрицательно помотал головой: – Там полный мрак, ни видать ничего!

– Туда бы нужно фонарь просунуть, – поспешил с рекомендациями Воркунов.

– У тебя он есть? – обернулся к нему Алексей.

– Нет, – сконфузился Михаил.

– Так о чём же мы говорим?

– Давайте для начала туда длинную палку просунем, – предложил Павел. Если поблизости есть некая преграда, то она в неё уткнётся. А если нет, то будет понятно, что под плитой ничего постороннего нет.

Идея была вполне здравая и, освободившись от надоевшего магнитометра, я принялся выискивать глазами подходящее растение. Углядев неподалёку сильно разросшийся куст орешника, я поспешил к нему. Спиливая не менее чем трёхметровую ветку, не забыл помянуть добрым словом Швейцарию. Никогда не был в этой стране и вряд ли когда буду, но за свои армейские ножи она достойна доброго русского слова. Уместить в одном ножике столько полезных, а главное качественных инструментов, это надо суметь. В две минуты швейцарская пила перерезала палку у основания, а швейцарское же лезвие срезало боковые отростки. Теперь наш измерительный инструмент был вполне готов выполнять свою функцию – измерять расстояние от наружной кирпичной стенки, до..., до неизвестно чего.

Палку я тут же отдал Зацаринному, как автору идеи, и он ни секунды не колеблясь, засунул её в пробитую дыру. К всеобщему восторгу, шест удалось продвинуть не более чем на метр. Но что там была за преграда, круглое основание беседки, либо же просто забытая строительная конструкция, ещё предстояло узнать. Не дожидаясь дополнительных указаний, Алексей принялся энергично долбить аналогичную дырку в соседней стене и мы все тут же столпились у него за спиной, словно в ожидании новых открытий. И открытия явились на самом деле. На сей раз удалось определить, что от стенки до преграды не более шестидесяти сантиметров, что было вполне естественно. Ведь в прошлый раз мы проводили измерения по длинной стороне фундамента сторожки, а на сей раз по короткой.

Впрочем, это ничего конкретного всё равно нам не говорило, поскольку всё же лучше один раз увидеть, нежели сто раз ткнуть палкой. Но как посмотреть? Естественно, началось выдвижение всяческих революционных идей. Самую реалистичную мысль вновь предложил

Говоров. Наш находчивый водитель решил пустить солнечного зайчика в дырку северной стенки, нам же следовало смотреть во вторую дыру, западную. Шанс что-либо разглядеть был, разумеется, крошечный, но мы решили использовать и его.

Алексей сбегал к автомобилю, с которого снял зеркало заднего вида, а заодно прихватил круглое зеркальце для бритвы, непонятно по какой причине завалившееся в его «бардачке». Вот с этими предметами мы и принялись экспериментировать, как съязвил Воркунов, с передачей энергии на расстояние. В конце концов, лучший результат удалось получить, направляя зеркальцем для бритвы солнечный луч на автомобильное зеркало. Его же, мы расположили около специально расширенной первой дыры. Я же сидел у третьей совсем маленькой дырочки, давая глазам привыкнуть к темноте. Когда же моим помощникам удалось направить хоть какой-то свет в каменный коробок, то моему взору предстала удивительная картина. Не скажу, что видно было очень хорошо, но всё же можно было различить некую конструкцию, собранную из гранёных серых камней формирующих довольно широкие ступени.

– Так, парни, – поднялся я во весь рост, – по всей видимости, нечто похожее на останки беседки там действительно имеется! Правда, она не круглая, а скорее восьмигранная. Удалось разглядеть даже вполне прилично сохранившиеся ступеньки. Так что идея Павла, – подчёркнуто почтительно кивнул я в сторону Зацаринного, – блестяще себя оправдала. Стало быть, именно эту беседку, которая, несомненно, была отлично видна со стороны Трубечино, и имел в виду наш информатор. Именно её он видел из окна своей школы, причём особенно хорошо утром, когда её освещало утреннее солнце. И раз так, то у нас появился законный повод хорошенько прозвонить как эту постройку, так и прилегающую к ней местность. Но чтобы промеры были качественными и достоверными, нам придётся очистить пространство от колючей проволоки и прочего металлического мусора.

Возражений не последовало и следующий час мы отважно сражались с проржавевшей «колючкой», ломая её на приемлемые по длине куски и перетаскивая ближе к оврагу. В заключение ещё раз тщательнейшим образом осмотрели предназначенный для «прозвонки» полигон, после чего я взялся за свои непосредственные обязанности. Работать было легко. Практически свободная от растительности поляна, а так же три, легко управляемые голосом разумные и подвижные «вешки», облегчили мои манипуляции до предела. Собрав буквально за двадцать минут необходимой объём цифровой информации, я принялся тут же анализировать полученные данные.

Нельзя сказать, что свежеполученная магнитограмма была совсем однообразной, в районе бывшей сторожки она как бы покрывалась рябью, хаотически изменяющихся цифр. Пришлось произвести повторные замеры, прогуливаясь исключительно по бетонной плите. При этом я попросил Михаила перевернуть торчащий у меня на спине штырь таким образом, чтобы головка магнитометра оказалась ниже поясницы. С одной стороны такой манёвр здорово поднимал чувствительность всей системы, но с другой стороны вносил в конечные данные значительную ошибку. Утверждать, что новая методика сильно прояснила картину, было некорректно. Те же хаотически скачущие цифры, только амплитуда их скачков стала ещё больше. Вот так с ходу разобраться в этой вакханалии было невозможно. Требовалось спокойно посидеть за столом, с кружкой чая в одной руке и карандашом в другой. Повернувшись к соратникам, я совсем уж было собрался произнести фразу о том, что пора бы и возвращаться в город, как буквально наткнулся на устремлённые на меня напряжённые взгляды.

– Что вы смотрите на меня, будто на Коперфильда, – поинтересовался я, – фокусов, что ли ожидаете?

– Да, вот, видим, что-то интересное наклёвывается! – за всех сформулировал главную мысль Зацаринный.

– Что-то..., да, – подтвердил я, – но что именно наклёвывается, пока сказать не могу.

– Почему?

– Да потому, что вот так сходу разгадывать подобные ребусы, – помахал я исписанным блокнотом, – не готов. С таким магнитным хаосом, честно говоря, вообще сталкиваюсь впервые. Боюсь, под этой плитой просто свалка строительного мусора.

– А можно хотя бы приблизительно оценить массу этого мусора, – выступил вперёд Алексей?

– Боюсь нельзя. Неизвестно, на какой он глубине, это раз. Чёрт его знает, может там гвозди по земле рассыпаны, а может что ещё. К тому же не очень ясно, какого типа этот металл. Может цветной, а может и простое железо.

– Простое железо нам тоже интересно, – как бы между прочим заметил Павел, – вы ведь помните, что судьба оружейной коллекции графини неизвестна. Вдруг да она там и лежит?

– С помощью магнитометра можно прояснить данный вопрос? – у Михаила впервые за весь день в глазах появился алчный блеск. А то мы всё ходим, ходим туда-сюда, а ничего толкового найти не можем!

– Какой ты, оказывается, шустрик, – укорил я его. Полагаешь, что вот так запросто можно отыскать клад, который до тебя никто не нашёл?

– А что такого? – воинственно вскинул подбородок Воркунов. Никто не нашёл, а мы найдём! Или мы не спецы в своём деле? Вот сейчас только пролезем под плиту и быстренько всё отыщем.

– Может, займёмся этим делом завтра, – постарался охладить его пыл Зацаринный. Ведь на самом деле тут не так всё просто. Как вы считаете, Александр Григорьевич, – обратился он ко мне, – как нам будет сподручней пробиваться вовнутрь фундамента, сверху, или сбоку?

– Пока не очень понятно, стоит ли вообще туда пробиваться. Вот скажите мне, где в принципе здесь могли что-то спрятать?

– Где-то прямо под самой беседкой, – первым сообразил Алексей.

– По идее верно, – поддержал я его, – но такое предположение здорово усложняет нашу задачу. То есть вначале нам придётся продолбить верхнюю бетонную плиту, а уж затем сражаться с каменным полом самой беседки. Ещё неизвестно, кстати, какой он толщины и из чего сделан...

– Небось мраморными плитами выложен, – уже более спокойно предположил Михаил, слегка утративший шапкозакидательский пыл, – считаю, мы его быстро расколотим.

– Пусть даже из мрамора, всё равно придётся изрядно повозиться. Так что давайте парни сворачиваться и в гостиницу. В дороге заодно обсудим, что нам понадобится на следующий день, ведь понятно, что одной лопаткой мы здесь не обойдёмся.

Возражений не последовало, и мы плотной кучкой двинулись в обратный путь, почему-то опасливо озираясь по сторонам. Мимо снесенной до основания бани, таинственно мерцающих прудиков, разорённого вандалами источника, кучи камней, мимо давно сгнувшегося помещичьего великолепия прошлых веков...

Дорога на Сызрань показалась в тот раз на удивление короткой. Оно и не мудрено, поскольку всё время пока мы ехали, в салоне проходило шумное совещание, посвящённое тому, что и как мы будем делать дальше. Каждый предлагал и свой путь, и свои способы достижения цели. Причём всеми, кроме меня, цель понималась однозначно. Каждый мечтал поскорее размолотить основание сторожки, и как можно шустрее уволочь оттуда все графские ценности. Всем моим спутникам искренне казалось, что легендарные сокровища почти у них в карманах. Я же, будучи не слишком уверен в нахождении там даже обычной медной монеты времён Николая Второго, пытался остудить не в меру разбушевавшиеся страсти. Тот же флегматичный на вид Зацаринный вообще стоял за то, чтобы немедленно запастись киркой и ломом. После этого он предлагал, не теряя времени вернуться на место раскопок, разжечь костёр и, сменяя друг друга, работать до утра.

Слава Богу, что ни Михаил, ни Алексей столь радикальное предложение решительно не поддержали. Воркунов, тот вообще любил поспать, и подобного рода ночные приключения отвергал в принципе. Говоров же объяснил своё отрицательное отношение к затее друга куда как более прагматично, показав, что за внешней беспечностью скрывается вполне трезвый расчёт и практичность.

– Дело придётся иметь с прочными каменными блоками, – заявил он, – и долбить по ним придётся, что есть силы. Стало быть, звук от ударов будет разноситься на большое расстояние. Листвы на деревьях ещё мало, значит и слышно будет далеко. Не ровён час услышит их какой-нибудь бдительный гражданин, звякнет, куда не надо! Нет, Паша, твоя идея тут не катит. Днём же и посторонних шумов навалом, да и забот у людей побольше. Некогда им прислушиваться к посторонним звукам и думать о том, кто в ближайшем лесу громыхает!

Тем временем в посеревшем к ночи воздухе промелькнула знакомая неоновая вывеска, и наша машина, словно по волшебству, притормозила около парадного входа в гостиницу. Мы чинно пожали друг другу руки и расстались, уговорившись созвониться несколько позже, едва станет известен результат расшифровки магнитограммы. Поэтому, лишь войдя в номер, я слегка ополоснулся с дороги и немедленно уселся за стол, к разрисованным всякими значками бумагам. Михаил же, потоптавшись несколько минут у меня за спиной, буркнул что-то насчёт ужина и исчез за дверью. Я же принялся методично переносить полученные данные измерений из блокнота на лист миллиметровки. И буквально на глазах первобытный хаос сотен цифр превратился в нечто осмысленное и пригодное для анализа. К тому времени, как возвратился Михаил, побрякивая тарелками и вилками, картина подземной обстановки в районе бывшего лесничества несколько прояснилась.

– Смотри, дружище, – призывно помахал я карандашом в воздухе, – какая тут хреновина вырисовывается.

– И что же там? – сгрузил рядом с чертежом свою ношу Воркунов.

– Вот наша верхняя плита, – принялся я объяснять ему диспозицию предстоящих раскопок, – а пробитые Алексеем дырки находятся вот здесь. Смотрел я отсюда сюда и видел нечто напоминающее ступени. Как ты думаешь, при их изготовлении могли использовать металлические детали?

– Запросто! Какие-нибудь откосы, или штыри...

– Для штырей тут металла как-то многовато, – тут же возразил я. Хотя, чёрт его знает, может раньше штыри помассивнее были? Ну да Бог с ними. Но мне непонятно, почему с противоположной стороны в магнитном поле этакая вмятина получилась? Смотри, на сколько здесь значения ниже нормы...

– Выше, ниже, – едва взглянул на мой лист Воркунов, – давай-ка закругляйся скорее. Поедим по-быстрому, да пойдём на вечернюю Сызрань поглядим. Сколько живу, ни разу на Волге не был, а заодно и реку посмотрим, красиво, наверное, в темноте-то?

В чём-то он был прав и, отложив карандаш, я подтянул к себе одну из тарелок. Поесть спокойно так и не удалось. Не успел я отрезать от первой сосиски и пары кусочков, как зазвонил телефон Михаила.

– Пашка тебя просит, – передал он мне трубку.

Зацаринный не стал долго тянуть и незамедлительно поинтересовался ходом моих изысканий. Пришлось сообщить ему, что сильно продвинуться пока не удалось.

– Никакого точечного собрания металлических изделий выявить невозможно, – пояснил я. Кроме всего прочего мы имеет дело как минимум с двумя достаточно увесистыми железками, почему-то расположенными вонне основания беседки.

– И-и-и, что-то ещё? – понизив голос поинтересовался он, чувствуя, по незаконченности фразы, что ситуация не столь однозначна.

– В общем... да, имеются ещё какие-то сигналы, но они не локализованы в одной точке, а как бы размазаны этакой неопрятной медузой по другую сторону от беседки. Отчего так происходит – непонятно, раньше мне с подобными странностями сталкиваться не приходилось.

– К чему же будем готовиться, а то Лёха беспокоится, не понимает, что потребуются захватить с собой в лес? Может быть, подскажите?

Вопрос был не в бровь, а в глаз. За мелкими хлопотами я совсем забыл о материальной стороне дела. А ведь правильно распределённые материальные ресурсы являются не менее значимой частью поисковой деятельности. Без правильной организации процесса выемки находки нечего и думать о благополучном завершении поисковой экспедиции. Вот почему обычно я чётко разделяю сами поиски и последующие работы по извлечению найденного. Посудите сами. Допустим, вы проводите разведку в каком-нибудь сильно заросшим лесом районе. Там и передвигаться и ориентироваться крайне тяжело. Зачем же вам таскать с собой ещё и кирки с ломом и лопатами? А кроме этих весьма увесистых предметов для землеройных работ требуются вёдра, толстые верёвки, сапоги, а зачастую и лестницы. Мало всего этого, так в завершение раскопок потребуются и определённого рода вместилища для найденного.

Да, да, всё те же банальные мешки, ящики, или что-либо им подобное. При всём этом нужно всегда иметь в виду то обстоятельство, что большая часть ещё оставшихся не востребованными кладов запрятана очень качественно. Обычными ломиками там не обойдёшься – руки отобьёшь. Требуется иной инструмент – электрический. Вроде трёхкиловаттной дрели японской фирмы «Макита». Замечательная, надо признать дрель, качественная, вот только, как правило, подключать её в наших «пампасах» не к чему. Приходится нести с собой мобильный генератор соответствующей мощности, и канистру горючего в придачу. Да стальные штанги к дрели, да отбойный молоток, и метровые зубила к нему... Короче стоит только начать, как к двум поисковикам мигом потребуются десяток дюжих парней, которые будут тащить за ними весь их многочисленный скарб. Так что бесспорно, поиски и извлечение чего-либо спрятанного следует обязательно разносить во времени, иначе сорвётся либо одно, либо другое.

Конечно же, гулять мы с Михаилом так и не пошли, а принялись думать над тем, что нам понадобится при раскопках. Но прежде чем решать данный вопрос, следовало уяснить, что же именно мы собираемся завтра делать на развалинах. Вопрос был не так прост, как могло показаться на первый взгляд, что Воркунов немедленно подтвердил, едва я спросил его мнение.

– Что тут особо размышлять, – отмахнулся он, – считаю, что верхнюю плиту следует долбить прямо по центру!

– Зачем это? – удивился я.

– Как зачем!? – прозвучало в ответ. Пробьём дыру пошире, и после этого немедленно возьмёмся за пол в беседке, если он там ещё остался.

– Ну, да, конечно, – издевательски засмеялся я, – а ты не подумал о том, что суммарно там может оказаться больше чем полметра бетона и тёсаных камней! Да мы же целый день их будем крошить! От такого грохота к нам сбежит население всех окрестных деревень! Ты что ли будешь от любопытствующих толп отбиваться? К тому же у меня большие сомнения в том, что нам нужно обязательно проламываться к центру беседки.

Михаил посмотрел на меня, удивлённо выпучив глаза.

– Так ты хочешь сказать, что там совершенно ничего нет? А раз так, то зачем мы вообще эту бодягу затеваем?

– Я не про то, – помахал я пальцем перед его носом. Пытаюсь тебе втолковать, что, скорее всего, внутри беседки пусто. Но вот здесь, сбоку от неё, точно что-то просматривается! Взгляни сам, – пододвинул я к Михаилу лист разрисованной миллиметровки. Вот примерные размеры бывшей беседки по отношению к прикрывающей её плите. Вот здесь нарисованы сту-

пени, а пик магнитной аномалии вон куда от центра уехал! Да и здесь непонятные горбы топорщатся. Но заметь все они вовне остатков основания беседки.

– Стало быть, в центре долбить не будем?

– Забудь, не будем! – раздраженно бросил я ему.

Михаил временами проявлял удивительную бестолковость, и мне каждый раз казалось, что он намеренно устраивает такого рода представления, словно желая меня позлить.

– Магнитометрия наука не слишком точная, – постарался сдержать я раздражение, – но кое-что понять из этих схем всё же можно. Там, где числовой ряд показаний падает и образует нечто вроде горки – можно обоснованно подозревать наличие металла. А там, где впадина...

– Больше похоже на какую-то подкову, а вовсе не на горку. Я же помню те рисунки, которые ты мне как-то показывал. Там действительно были своеобразные бугорки, а здесь ведь какая-то подкова вырисовывается! С чего ты решил, что некий металл лежит именно здесь?

– Ну-у... так, по интуиции... что ли.

– По твоей интуиции нам как в армии, придётся копать отсюда и до обеда! Ты уж тогда сам определись поточнее. Если ломать плиту не нужно, то, что же мы там вообще будем делать? Ведь что-то разрушить всё равно придётся.

Такая постановка вопроса заставила меня крепко призадуматься. Конечно, пробраться под современную бетонную плиту можно было без особых заморочек. Вот только что мы там могли сделать в согбенном в три погибели состоянии? Тяжело вздохнув, и как бы признавая частичную правоту михайлова замечания, я прошёлся по комнате, энергично потирая затылок.

– Пиши! – решительно пододвинул я к нему лист чистой бумаги. Будем исходить из того, что масштабных работ не избежать в любом случае. Номер первый – кувалда, весом не менее восьми кило. Номер два – лом. И если есть, ещё один небольшой ломик, вроде заточенной монтировки. Пару лопат, с короткими рукоятками, обязательно. Верёвку, пусть захватят потолще..., ну..., на всякий случай.

– Тогда уж и сумку покрепче и побольше, – плотоядно прошипел Михаил, – тоже на всякий случай. Вдруг и на самом деле что-то отыщем?

– Пускай, – вяло кивнул я, – главное, чтобы источники света не забыли захватить. Думаю, придётся изрядно повозиться в полутьме, так что..., пусть позаботятся о свете.

– Уже пишу, – согласно закивал Воркунов, – два... мощных фонаря..., запасные батарейки. Что-то ещё? – добавил он, видя, что я несколько отвлёкся и задумался.

– Воды пусть возьмут побольше, если будем много долбить да копать – помрём без влаги!

– А ручеек там на что? – беспечно отмахнулся Михаил. Я, кстати сказать, глотнул оттуда пару горстей, и ничего, с животом всё в порядке.

Возражать было лень, и я равнодушно кивнул в ответ. Мол, пусть будет так. Взял со стола список, пробежал его глазами. Всё вроде было правильно, и следовало немедленно позвонить Павлу.

Словно отслеживая мои мысли, лежавшая на тумбочке трубка загудела и заёрзала по исцарапанной тёмно-коричневой фанере. Разумеется, звонил сам заждавшийся вестей Зацаринный.

Воркунов, мигом придав своему голосу академическую солидность, зачитал ему сочинённый нами список, после чего, энергично потирая руки, принялся кругами ходить по нашему номеру.

– Ты что так возбудился? – поинтересовался я, когда он завершил не менее чем десятый виток.

– Представляешь, Сашок, – сделал Михаил жест обеими руками, будто обнимал большой бочонок, – какой завтра мы можем огрести куш!

– Ага, нос раскатал. Мой тебе дружеский совет – выкинь всё из головы и постарайся об этом не думать. Кто знает, что именно там валяется. Это мы себе представляем, что там укрыты несметные сокровища, а ведь действительность может оказаться куда как более прозаической. Так что ложись спать, а мечтания и надежды отложи до утра.

Воркунов вроде как последовал моему полезному совету, но всё равно долго ворочался с боку на бок и что-то вполголоса бормотал.

Глава пятая. И небо в алмазах...

Кажется, я только смежил веки, как оглушительно зазвонил стоявший над моим изголовьем телефон. Сняв трубку, я сквозь ускользающее сонное забытье пробормотал: – Слушаю.

– За вами тут пришли! – деловито сообщил мне женский голос.

– Кто пришёл, – не понял я, – зачем пришёл?

– Двое пришли, – понизила голос моя собеседница, – говорят, вы с ними договаривались...

– Наверняка это Алексей с Павлухой подъехали, – мигом очнулся Михаил. Они ко мне вчера пристали, как репы, чтобы значит сегодня начать пораньше. Я возьми, да брякни: – Да хоть в пять приезжайте..., вот они и припёрлись ни свет не заря!

– Скажите, – пробурчал я в трубку, – что мы сейчас спустимся.

Когда Говоров грузил наш багаж, я улучил момент и взглянул на часы. Действительно, было всего семнадцать минут шестого, и голова моя всё ещё никак не могла отойти от одолевавших меня под утро кошмаров. И лишь свежий ветерок, овевавший лицо, привёл меня в относительно рабочее состояние. В салоне царило нервное молчание, и никто не проронил и слова, пока наша машина птицей не взлетела на холм, некогда занимаемый обширной усадьбой Перси-Френч. Алексей предельно осторожно преодолел неудобный кювет и, сколько было можно, двигался между невысоких ёлок и зарослей дикого шиповника. И лишь когда дальнейшее движение стало совершенно невозможно, он выключил двигатель.

Не теряя ни секунды, мы принялись разгружать машину. Разобрав сумки с инструментами, наша четвёрка двинулась к оврагу, пригнувшись в три погибели, будто мы были вышедшими на операцию партизанами. Впрочем, кладоискатель от партизана по своей сути не очень-то и отличается. Каждый старается осуществлять свою деятельность скрытно, в обстановке сугубой конспирации.

Вот и остатки сторожки. Зацаринный выпустил из рук глухо брякнувшую сумку, после чего присел около неё на корточки.

– Где будем долбить, – обернулся он ко мне, – сверху, снизу?

– Полагаю вон там и начнём, – указал я пальцем на отверстие пробитое вчера Говоровым. Стенка там кажется не слишком толстая, и мы с ней быстро справимся.

Так и произошло. Тяжёлая кувалда, обмотанная для смягчения звука от ударов старой мешковиной, оказалась столь удачным инструментом, что через каких-то двадцать минут у нас имелось отверстие, через которое вполне мог пролезть человек крепкого телосложения. И, естественно, этим человеком оказался я сам. В тот момент, когда мне удалось отбить весьма внушительный кусок стены..., рядом не оказалось никого, кто бы изъявил страстное желание полезть в образовавшийся пролом. Все мои подельники просто смотрели на меня столь внимательными и напряжёнными взглядами, что у меня не возникло и мысли о том, чтобы перепоручить эту операцию кому-то иному. У предводителей кладоискательских экспедиций есть масса привилегий, и лишь одна обязанность. Одна, но ужасно неприятная – приходится первому лезть туда, куда лезть совсем не хочется. Да, разумеется, данное правило можно и не соблюдать, вот только впоследствии можно не надеяться на то, что соратники будут тебя безоговорочно слушаться.

Растолкав кирпичные обломки локтями, я бесстрашно протиснулся вперёд. Тут, под бетонной плитой, было темно, прохладно и..., тихо. Все проблемы внешнего мира моментально унеслись в неизведанные дали, и осталось только одна мысль и только одна задача – как можно скорее разобраться с обнаруженной накануне магнитной аномалией. Чья-то рука про-

сунула в пролом фонарь и, обретя свет, я первым делом осмотрелся вокруг. Выяснилось, что в моём распоряжении весьма небольшое свободное пространство. Метра четыре с половиной в широкой части и всего пару метров в узкой. Я находился в своеобразном коробке, три стенки которого были образованы стенками цокольного этажа, а последняя состояла из балюстрады основания беседки и выступающих в мою сторону ступеней. Впрочем, вовсе не ухищрения строителей минувших времён занимали меня, а лежащие под ними останки бывшего дворянского величия. Ступеней было всего три, и поначалу особого внимания я на них даже не обратил. Да и то, что на них смотреть? Три каменных бруска, примерно полутораметровой длины и сантиметров сорока в ширину. Меня на ту минуту интересовал только металл, и именно его я принялся искать. Внимательно осмотрел каждый закуток помещения, прополз его из угла в угол на четвереньках, бдительно осматривая и ощупывая каждый подозрительный предмет. На поверхности металла почти не оказалось, так, пара длинных гвоздей, да сильно проржавевшая шайба. С одной стороны это было хорошо, поскольку отпадала версия нахождения под плитой большого количества строительного мусора. Ведь поскольку сигнал от присутствия металла имелся, то стало понятно, что находится он гораздо глубже.

Требовалась свежая идея, и я поспешил выбраться наружу.

– Ну, – первым помог мне встать на ноги Воркунов, – что нашёл?

– Держи, – протянул я ему гвозди, – большего пока ничего нет. Но отыскать необходимо, поскольку столь малое количество металла не может дать столь мощное искажение поля.

– Так может быть заделанная в плиту арматура фонит? – предположил Говоров.

– Я поначалу тоже так думал, но потом сообразил, что если бы здесь применяли арматуру, то её клали бы по всей площади пола. Но здесь мы этого не видим. У нас имеется два хорошо различимых «пятна». Одно ближе к центру, оно имеет неправильную форму в виде этакой толстой сардельки. Вторая метка была меньше, ближе к глухой стене и имела линейную форму. Что-то вроде обрезка трубы, либо куска толстой арматуры. Давайте-ка сюда лопату, попробую для начала разобраться с малой железякой. Кажется, она находится не так глубоко...

С этими словами я снова нырнул в дыру и, не теряя время понапрасну, принялся раскапывать землю там, где, судя по показаниям прибора, находилась некая металлическая палка. Первая находка не заставила себя ждать. Хотя производить раскопки приходилось в крайне неудобном положении, когда было невозможно стоять даже на коленях, до цели удалось докопаться минут за пятнадцать. К счастью, почва была относительно мягкая, и на глубине примерно в полметра лезвие укороченной штыковой лопаты стукнулось о явно металлическую преграду.

Вытащив из висящего на поясе чехольчика сделанный на заказ совок из титана, я перевернулся на живот и продолжил копать немного медленнее. И вскоре был вознаграждён сразу двумя прелюбопытными вещицами. Первой были старинные ножницы, к сожалению, сильно повреждённые коррозией. А затем в моих руках оказалось нечто невиданное. Извлечённая из земли штуковина на ощупь сильно смахивала на царский скипетр. Точнее сказать было невозможно, поскольку предмет пребывал в плотном кожаном чехле. Кожа его от времени, разумеется, задубела и потрескалась, но всё ещё сохраняла свою первоначальную форму.

Вновь пришлось вылезать из «забоя», поскольку рассмотреть что-либо в тесноте и поднятой совком пыли было невозможно. Моё второе появление вызвало едва ли не овации. Находки буквально вырвали из рук, а меня самого мягко подтолкнули к постеленной на краю плиты газетке. На газетке лежали пластиковые тарелочки с изрядно подъётыми закусками. Были они не Бог весть какими, но поскольку утром мы так и не позавтракали, то даже холодные сырники и бутерброды с ветчиной оказались очень даже кстати.

Пока я поспешно насыщался, мои соратники взялись рассматривать найденный предмет. Кожу с него мигом содрали, после чего нашим алчно горящим взорам предстало нечто такое, что поначалу было даже непонятно как обозвать. Представьте себе этакое стальное верё-

тено, заканчивающееся на конце явно специально сделанным крючком. Верхняя часть изделия сработанного неведомыми мастерами, завершалась небольшим грушеобразным утолщением, с глубокими продольными проточками.

– Что за ерундень нам попалась? – воинственно помахал странным предметом Павел.

– Здорово похоже на сильно похудевшую украинскую булаву, – пожал плечами Воркунов, – только до «незалежной» отсюда далековато будет.

– Мне кажется это какой-то инструмент? – вставил слово Алексей, как всегда остающийся на самых приземлённых позициях. А что? Очень похоже на рычаг от какого-то сельскохозяйственного агрегата.

– Зачем же его закопали именно тут? – оторвался я от поедания бутерброда. Пусть перед нами, как ты утверждаешь, некий инструмент. Хочется понять, что именно им делали? Ведь никаких сельскохозяйственных приспособлений здесь нет, да, скорее всего и не было никогда. К тому же брошенные рядом ножницы...

– Это особые ножницы, – поспешил уточнить Павел, – подобные до сих пор используют для стрижки овец в деревнях.

– Ага, – внезапно развеселился Михаил, – этой колотушкой их били, а потом ножницами стригли.

– Нет, нет, – завертел головой Зацаринный, явно не оценивший его шутки, – овец подобными ножницами стригут, когда они живы, а не когда забиты. К тому же именно этими ножницами ни с кого шерсть состричь невозможно. Смотрите, как сильно изувечены их кончики, такими много не наработаешь.

– А где, ты говоришь, они лежали? – улыбка словно бы стекла с лица Воркунова.

– Вместе с колотушкой, практически в одной ямке! – указал я пальцем в сторону пролома.

– Тогда ножницы были использованы точно не для стрижки!

– Для чего же?

– Что бы ими копать! И копали ямку именно для этой железной палки! А когда выкопали, то бросили ножницы прямо туда же, ведь больше они копавшему были не нужны. Острым предметам хорошо раскапывать землю, закапывать же – крайне неудобно!

– Значит, кованая ручка могла ещё кому-то понадобиться? – уточнил Алексей.

– Дураку понятно, – довольно недипломатично отозвался Михаил, – что могла. Иначе на кой чёрт её понадобилось прятать именно тут. Осталось только сообразить, для какой такой надобности?

– Тут и думать нечего, – подвёл я итог обсуждению, – всё дело в беседке, которая здесь некогда гордо возвышалась над искусственным прудом. Судя по тому, что железная палка была зарыта в шаге от ступеней, ею что-то делали именно в этом месте. И тот, кто инструмент спрятал, предполагал воспользоваться им вновь. Вот только не удалось у него, не сложилось почему-то.

– Раз копал ножницами, – добавил Алексей, – то, стало быть, копатель очень торопился. Так торопился, что не имел времени подобрать более удобный инструмент для землеройных работ. И видимо обстоятельства, заставившие его поспешать, были экстраординарны. И можно обоснованно подозревать, что именно с этим человеком на своём жизненном пути повстречался товарищ Дятлов. Скорее всего, их встреча произошла либо во время войны, либо сразу после неё.

– Кстати, – востропнулся Зацаринный, – а ведь наш фронтовик успел посидеть в лагере! Да, да я выяснил. С 47-го по 53-й он отбарабанил в «солнечной» республике Коми. И не учился он никогда в Трубачино, поскольку детство провел в городе Старый Оскол. Сюда же приехал только в 57-м! Значит вовсе не сидел наш информатор за партией и не смотрел через окошко

на эту беседку. Это тот, другой персонаж нашей истории в ней сидел, а может быть даже не сидел, а участвовал в её строительстве!

– Тогда мы с вами имеем ситуацию удивительного совпадения или, если хотите, везения, – подхватил я его мысль. Ведь могло же так случиться, что наш неизвестный и Дятлов в какой-то момент времени оказались в одном лагере. По какой-то причине неизвестный поделился с Николаем Петровичем своими знаниями о спрятанных некоторое время назад предметах. Почему он так поступил, трудно сказать. Может, был в весьма преклонном возрасте, или сильно болел, а Дятлов ему в чём-то помог. Так или иначе, но именно он принял на себя бремя хранителя тайны. Тогда же он узнал, что клад зарыт вблизи какой-то беседки. Беседку было видно из окна школы. Ему оставалось лишь приехать на место и отыскать её. Но когда Дятлов переселяется поближе к усадьбе, выясняется очень неприятная подробность. Усадьба к тому времени уже уничтожена под корень, да и от беседки не осталось никаких видимых следов. Наш разведчик терпеливо ждёт и когда в его поле зрения появляются люди, имеющие хоть какую-то поисковую технику, он обращается за помощью к ним. Как мы теперь знаем, их поиски были неудачными...

– Дальше мы и так знаем, – нетерпеливо прервал мои разглагольствования Говоров, – что мы теперь-то будем делать?

– Я знаю, – громко заявил Михаил, выступая вперёд, – пусть для начала Александр снова прозвонит всю плиту. Посмотрим, не изменилось ли что. А мы со стороны посмотрим. Саня нам скажет, где у него прибор указывает максимальные и минимальные значения поля, и мы прямо по бетону нанесём метки. Ну, чтобы потом лучше ориентироваться...

Идея, в общем и целом была совсем неплоха, и мы взялись за её исполнение с давно позабытым чувством энтузиазма. Сам Воркунов принялся помогать мне надевать сбрую магнитометра, а сызранские ребята по собственной инициативе начали расширять отверстие в кирпичной кладке. Произвести необходимые замеры было делом нескольких минут, после чего мы все взобрались на бывший пол сторожки и ещё раз убедились в том, что расчерченное обломком кирпича пространство практически в точности совпадает с находящимися несколько ниже ступенями.

– Расколотить их к чёртовой матери и всё, – спрыгнул вниз Воркунов. Где наша кувалда, куда её положили?

– Остынь дружок, – постарался я охладить его неумеренный пыл. Для начала, там просто негде размахнуться. Да и ступени сами по себе довольно толстые. Думаю надо попробовать как-то иным способом их отодвинуть. Попробуй использовать ту кочерёжку, что я откопал. Вдруг именно для этого она и была тут припрятана.

Моё предположение было чисто умозрительным, но, в конце концов, именно оно и оказалось верным. Впрочем, до момента триумфа было ещё далеко. Теперь же в «забой» спустились Михаил и Павел. Они, разумеется, взяли с собой не только железный шкворень, но и прочие долбильно-ломальные инструменты, имевшиеся в нашем арсенале. Мы же с Алексеем остались снаружи, чтобы при необходимости оказать им помощь не только словом, но и делом.

Некоторое время ничего кроме пыхания и сдержанной ругани двух пытающихся пристроиться в тесном пространстве мужиков из пролома не было слышно. Довольно скоро им удалось установить, что между плитами ступеней имеется примерно трёхсантиметровый зазор, куда они и направили свет фонаря. И обнаружили там довольно толстые полозья, расположенных ближе к концам плит. Полозья были прямоугольного сечения, и с каждой стороны ступеньки их было по две. Поскольку глазастому Зацаринному удалось рассмотреть в одной из них небольшое отверстие, было решено засунуть в него крючковатый хвостовик шкворня и попытаться его подвигать. После пары неудачных попыток самая верхняя ступенька протяжно заскрипела и сдвинулась своим правым концом на пару сантиметров. Уловив принцип работы механизма для перемещения, ребята значительно сместили вперёд не только верхнюю,

но и среднюю ступеньку. На всё про всё у них ушло больше часа, но если бы они работали в те времена, когда беседка была свободна от последующих построек, на подобную работу наверняка ушло бы гораздо меньше времени.

– И там ничего! – разочарованно выдохнул Михаил, выбравшись из пролома.

– Как, совсем ничего? – недоверчиво пробурчал Говоров, – нацеливаясь вместо него пролезть в дыру. Но что же тогда давало столь сильный сигнал?

– А эти рельсы и давали! Ведь больше там абсолютно ничего нет!

Подождав, пока наружу вылезет и перепачканный Павел, я поторопился занять его место. Вслед за мной под плиту влез и Алексей.

– Как хитро устроена эта лесенка, – похлопал он ладонью по верхней ступеньке. Правда, лично мне не очень понятно, зачем все эти хитрости? Обычная беседка, обычные ступеньки, к чему строителям изобретаться, делая их подвижными?

– Заказчицей этого строения являлась сама Екатерина Максимилиановна, – ответил я. А она, как утверждает Паша, была женщиной прагматичной и прекрасно разбиралась не только в строительных делах, но и в финансах. И уж сто процентов за то, что каждый чертёж подрядчик согласовывал с ней, а не с управляющим по хозяйственным вопросам. Значит, наша графиня знала о хитрых ступеньках и хитрость их механизма её вполне устраивала.

– Может именно она такие и заказала?

– Может быть и заказала! Графини, они такие. Сказала – сделать так, и все делают именно так. Вот только бы знать для чего ей понадобилось такие заморочки?

Убедив самого себя, что столь необычное устройство лестничного марша было сделано намеренно, я принялся рассматривать конструкцию столетней давности более внимательно. Посветил справа, посветил слева, лёг на землю и посветил снизу. Воспользовался дружеской помощью сопящего рядом Говорова. Оказалось, что никаких особых хитростей тут не было и в помине. Примитивный храповой механизм, который, однако же, действовал на диво надёжно даже через столько лет. Вскоре выяснилась и ещё одна техническая тонкость. Рычаг для передвижения ступеней был необходим лишь для передвижения их от самой беседки. Задвинуть их обратно можно было просто руками. Требовалось лишь навалиться на каменную плиту всем телом, после чего та просто скользила по рельсам в обратную сторону.

– Александр Григорьевич, – слегка толкнул меня плечом Алексей, – вам не кажется странным, что земля под ступеньками как-то отличается по цвету от той глины, которая лежит вокруг фундамента?

– Ну, естественно, – рассеянно ответил я, думая совершенно о других вещах. Снаружи ведь была обычная почва, трава, одуванчики всякие..., а под каменными плитками, ничего не росло. Вот оттого...

– Всё как раз наоборот, – возразил Алексей, – на мой взгляд, в каменном кармане под ступенями почва куда как более тёмная, и вон даже в ней какие-то сучки и шишки просматриваются.

– Значит, землю сюда просто принесли из леса, – недовольным тоном отозвался я, надеясь хотя бы этим остановить его неуёмное любопытство. И потому...

Но мой скоропалительный ответ не понравился даже мне самому. Ведь если именно в данном месте почва резко отличается от близ лежащей, то впору действительно задаться вопросом, как и отчего подобное случилось. Я понимаю, быстренько забросать дыру у фундамента рядом лежащей глиной и все дела. Но чтобы специально тащить сюда землю из относительно удалённого лесного массива, для такого поступка должно было быть какое-то разумное объяснение.

– А нам нечем её быстренько копнуть? – принялся оглядываться по сторонам Говоров. У меня создаётся такое впечатление, что почву сюда не только принесли издалека, и к тому же тщательно притоптали.

Совок был при мне и через секунду я пустил его в дело. Да, земля здесь резко отличалась от той, которая была вокруг бывшей беседки. Рыхлая, набитая органикой почва копалась на удивление легко и, разумеется, она не шла ни в какое сравнение с тем каменистым суглинком, из которого состоял прилегающий к оврагу бугор. Я рыл словно одержимый и буквально через три минуты лезвие совочка царапнуло по какому-то препятствию.

– Свети сюда, – подтолкнул я фонарь к Алексею, – здесь что-то лежит! Большое!

Звуки, доносящиеся из зоны раскопок, мигом привлекли наших соратников и их напряжённо насупленные лица тут же появились в проломе.

– Готовьтесь принимать груз, – осадил я их, – тут какой-то чемодан отыскался!

Однако я несколько ошибся в формулировке. Это был вовсе не чемодан, а весьма популярный в прошлом веке дорожный саквояж. Сделан он был из качественной свиной кожи и поэтому сохранился относительно хорошо. Правда, ручка его всё равно оторвалась, едва лишь я потянул её вверх. Причина этого стала понятна через пару секунд. Саквояж оказался столь тяжёл, что лишь слегка шевельнулся своим округлым телом в ответ на мои совсем неслабые усилия. Только благодаря своевременной помощи Алексея, находка была наконец-то вывложена наверх, а затем вытолкнута наружу. Мой помощник поспешил выскочить вслед за ним, но меня что-то удержало на месте. Дело было в том, что я пока раскопал лишь треть каменного «кармана» и оставшиеся две трети вполне могли скрывать ещё что-то интересное.

Разумеется, мне тоже страшно хотелось хоть одним глазком посмотреть, что же лежит в найденном саквояже. Мерещились сверкающие бриллиантами перстни, россыпь золотых червонцев и сверкающие кровавыми рубинами диадемы. Но, но, но! Было бы просто не солидно известному на всю страну кладоискателю вот так, словно пацану охать, ахать и прыгать при виде старинной ювелирки. Следовало закончить раскопки гарантированно и результативно, и только тогда, с гордо поднятой головой появиться из пролома. Отряхнуть руки, небрежно взглянуть на рассыпанные по плите сверкающие на солнце побрякушки и этак небрежно пробурчать вполголоса: – Ну, что столпились-то, неужели никогда подобного барахла не видели?

Самое интересное оказалось в том, что мои подозрения насчёт того, что рядом с первым может оказаться и второе захоронение, сбылись с удивительной точностью. Несколько десятков ударов совком и под бетонным сводом бетонной крыши снова раздался подозрительный звук. Кровь ударила мне в голову, и в предвкушении новой добычи я принялся копать дальше. На сей раз мне удалось извлечь нечто похожее на большую шляпную коробку. На её крышке сохранилась даже надпись – «Серж де Сантаж – Париж». Коробка была несколько легче, нежели саквояж, но так же весьма увесистая.

Толкая её к пролому, я мысленно ликовал, и хотя всеми силами старался сохранить внешнее спокойствие, губы непроизвольно растягивались в неудержимую улыбку. Лишь одно обстоятельство смущало мой дух и удерживало от того, чтобы не заорать от восторга. Обстоятельством этим была тишина. Мои соратники, пребывающие снаружи, по неизвестной причине словно воды в рот набрали. Конечно, могло так случиться, что они втихомолку готовили для меня какой-нибудь сюрприз. Хотя вряд ли. Не того рода-племени были мои спутники. Даже улыбались крайне скупой, и по складу своих характеров вряд ли подходили на роль организаторов дурацких розыгрышей и шуток. А ведь момент для всеобщей радости и ликования был куда как подходящий. Отчего же тогда такая тишина?

С трудом вывихнув в пролом глухо забренчавшую при падении шляпную коробку, я выбрался и сам. Поднялся, повернулся. Вся троица стояла рядочком с другой стороны и с рас-

терянными лицами смотрела на кучку непонятных предметов разложенных на краю плиты. Рядом с одной кучкой находилась другая кучка, поменьше. И из чего состояла она, мне было видно просто отлично. Рваное тряпье, скомканные, изрядно пожелтевшие от времени куски газеты словно переносили меня в давно исчезнувший мир.

– Так что ж там было? – внезапно охрипшим голосом спросил я, видя, что ни золота, ни камней драгоценных не видно и в упор.

– Фигурки разные..., металлические, – неопределённо пожал плечами Михаил, – некоторые весьма увесистые.

– Это..., по всей видимости..., бронза, – куда как увереннее откликнулся Зацаринный. Моя бабушка, царство ей небесное, всю жизнь стеклянные поделки собирала. А графиня, видать, увлекалась куда как более дорогой бронзой.

– Я тут ещё одну коробку откопал, – постарался я как-то приободрить своих погрузневших сотоварищей, – может в ней что-то более ценное находится?

Вторую коробку перенесли на плиту, вскрыли хлипкие замочки охотничьим ножом и склонились над её утробой. Надежда, как правило, умирает последней, и в этом случае она долго не мучилась. И здесь мы увидели всё то же самое – завернутые в рваное тряпье сильно потемневшие фигурки разнообразных зверюшек.

– Может там ещё что-то есть? – дёрнул Михаил подбородком в сторону пробитого в фундаменте отверстия. Не может так быть, чтобы какие-то бронзовые финтифлюшки спрятали, а настоящие драгоценности оставили у всех на виду!

– Почему, всяко могло быть, – развёл я руками. Ведь как мы с вами знаем, хозяйка имения была в отъезде. А раз так, то значительное количество драгоценностей и всевозможных украшений путешествовало с ней. Не одна же она отправлялась в вояж, со свитой. Там было кому багаж носить и личные ценности охранять. Деньги же в те времена было принято хранить в банке, а столовые сервизы и посуду, как нам так же известно, простой народ поразбил и поразграбил.

– Полагаю, – поддержал мою точку зрения и Павел, – что всё же основные ценности Киндяковых – Френчей хранились вовсе не здесь, а в Винновке, в семейном поместье. Ведь здесь было чисто дачное хозяйство, куда господа приезжали на пикники, да на охоту. Семейные реликвии здесь были совершенно ни к чему. А вот охотничий арсенал, да всяческие безделушки – им здесь как раз было самое место! Так что эта коллекция, – обвёл он рукой нашу добычу, – практически стопроцентное попадание в цель. Ожидать чего-то иного было просто неразумно.

– В таком случае, – азартно потёр ладони Говоров, – предлагаю сворачиваться. Неровён час, какой-нибудь бездельник сюда забредёт, хлопот потом не оберешься. Кроме того, на носу обед, а потому предлагаю выехать в город и как-то отпраздновать такую удачу. Хоть оно и простая бронза, а не золото, но тоже ценность определённую имеет. Думаю затраты свои мы оправдаем с лихвой!

– Тогда поехали ко мне, – предложил Зацаринный, – начав обратно заворачивать миниатюрные скульптурки в ветошь, – квартира пустая, мясо в холодильнике лежит, ещё вчера парное было. Пропустим по маленькой, и заодно поделим найденное. А, как вы к такому плану относитесь? – повернулся он ко мне.

– План вполне себе нормальный, – одобрительно кивнул я в ответ, – возражений не имею...

Вот так и получилось, что место раскопок на самой окраине усадьбы Екатерины Перси-Френч мы покидали его едва ли не в авральном порядке. На самом деле, никакой необходимости в срочном отъезде не было совершенно, поскольку все удобные поезда на Москву отправлялись поздним вечером. Но некая тревожная лихорадка охватила нас так сильно, что сопро-

тивляться ей не было и малейшей возможности. Казалось, что в любую секунду из бывшего парка выйдут некие суровые люди в казённой униформе и угрюмо поинтересуются, а что это мы здесь делаем.

Поэтому наши сборы были похожи на спешное бегство от неумолимо надвигающейся вселенской катастрофы. Михаил с Павлом сложили находки в заранее припасённые мешки для сбора мусора, а мы с Алексеем собрали разбросанные инструменты. Затем, похватав поклажу, мы едва ли не бегом помчались вниз по склону к ожидавшей нас в кустах машине. Наш водитель с такой силой нажимал на педаль газа, что мы едва не перевернулись при выезде на шоссе. Но... Бог миловал, обошлось. И, тем не менее, ещё километров двадцать мы неслись так, будто за нами гнались черти.

Только в городе, где движение было куда как более плотное, мы снизили скорость и на улицу имени Лазо въехали довольно спокойно не только внешне, но и внутренне. Все вместе зашли в угловой продовольственный магазинчик, где докупили всё то, что обычно потребляется на стандартных холостяцких пирушках. Банка солёных огурцов, два батона хлеба, шмат очень красивого с коричневыми прожилками сала, репчатый лук для мяса, пучок зелени, пару банок каких-то консервов и, разумеется, две поллитровки коньяка (праздник как-никак). Откровенно признаться, коньяк я сильно недолюбиваю. Подделок масса, а вкус зачастую оставляет желать лучшего. Но поскольку спиртным занималась принимающая сторона, я всецело положился на их познания в данной области.

Пока я помогал Павлу на кухне, Михаил, видимо сильно переживающий за честный раздел найденного, занялся ревизией высвобождённой из подземного плена коллекции. И к тому времени, как мы вернулись в комнату с двумя сковородами аппетитно скворчащего мяса с картошкой, оба подоконника и тумбочка были плотно заняты небольшой бронзовой армией.

– Вот и вся коллекция в наличии, – громко объявил он с таким гордым видом, словно единолично всё нашёл и откопал.

– Ну и прекрасно, – решил я поскорее покончить с самым неприятным вопросом, – теперь дели их общее количество пополам.

– В смысле как? – непонимающе затряс головой Воркунов.

– В смысле на две одинаковые кучки! – уточнил я тоном, не терпящим и малейших возражений. Берёшь одну фигурку, кладёшь направо, берёшь другую, кладёшь налево. И так далее, пока не разделишь поровну.

– Но они же все разные, и стоят наверняка по-разному!

– Подбирай похожие пары! Ориентируйся на габариты, если хочешь, или на тематический сюжет. Например, солдатика направо – барабанщика налево. Птичка направо – змея налево. Как-то так, всё равно среди нас нет ни одного специалиста по бронзовой миниатюре прошлого века! Поэтому, хочешь не хочешь, а всё равно придётся делить наобум, надеясь на слепой случай.

Михаил недовольно фыркнул, но активно возражать не стал.

– А чтобы легче делилось, – добавил я, – помни о том, что распределять кучки так же будет слепой случай. Так что соблюдай между ними хотя бы примерное равенство.

Работа по разделу нажитого «непосильным трудом» имущества захватила и наших сызранских компаньонов, так что я сидел в одиночестве и голодными глазами смотрел на аппетитно парящее мясо. А у подоконников кипели нешуточные страсти. Разномастные фигурки переходили из рук в руки, и каждый из троих имел своё личное мнение насчёт того, в какой кучке она должна лежать. Минут пять я наблюдал за этим столпотворением, после чего решил более не терпеть, а удовлетворить буквально рвавшее мне на клочки чувство голода. Налил себе треть стакана коньяка, наложил сала и шпрот, сыпанул в тарелку картошки и принялся за трапезу.

– Всё, готово! – наконец громко объявил Говоров, – поднимаясь с пола, где теперь на растеленных газетках плотной массой громоздились наши находки.

– Прекрасно, – будучи достаточно крепко «под хмельком» отозвался я, – вашему проворству, сударь, просто нет достойного определения. Теперь давайте быстренько покончим с делом имущества несчастной графини. Сделай мне одолжение, выйди, пожалуйста, за дверь.

– И насколько выйти? – удивился Алексей.

– Буквально на пару минут, Миша тебя потом позовёт.

Едва за Говоровым захлопнулась входная дверь, я встал, взял с полки лист писчей бумаги и разорвал его на две половинки.

– Пиши! – протянул я их Павлу.

– Что?

– Пиши на каждой любую цифру. Только одну с нолём на конце, а другую с единицей.

– Зацаринный пожал плечами, но исполнил мою просьбу.

Я забрал у него помеченные кусочки бумаги, скатал из них шарики, пожонглировал ими, а затем положил под каждую из газет по случайно выбранной метке.

Воркунов, повинаясь моему кивку, возвратил в комнату ничего не понимающего Алексея и прямо с порога я огорошил его словами: Быстро назови любую цифру!

– 77! – выпалил тот и добавил. Номер квартиры тёщи, она мне всегда на память приходит...

– Значит нечет, – удовлетворённо подвёл я итог всей операции по делёжке. Ну, Павел, – повернулся я к корреспонденту, – теперь твоя очередь участвовать. Посмотри, под какой из газет находится бумажка с нечётной циферкой, вот та кучечка и будет вашей. А нам достанется вторая. Вот и вся недолга. Надеюсь, существенных возражений ни от кого не последует, поскольку раздел произвёл слепой случай, и никто из нас никакого влияния на данный выбор не мог оказать в принципе.

Явственно слышимый вздох облегчения пронёсся по комнате. Вздохнул и я, почувствовав, как в комнате стало заметно легче дышать. Всё же нет в кладоискательском деле хуже момента, чем тот, когда обычно малознакомые компаньоны начинают делить найденное. У-у-у, тут много чего может случиться, в том числе и крайне неприятного. Впрочем, пока не будем об гусном, поскольку в нашем случае события развивались по довольно-таки благоприятному сценарию.

Через минуту все дружно сидели за столом и весело гомоня поглощали немудрёную закуску. Роковой момент был благополучно пройден, и было понятно, что у всех с души свалился здоровенный камень. Может быть, только Михаил был не слишком доволен подобным раскладом, но поскольку именно я предложил уравнилельный принцип, сильно протестовать он не решился. И думаю, в глубине души он всё же понимал, что найденная «овчинка» особой выделки не стоила. Сами посудите, четыре-пять десятков бронзовых статуэток всё же не те ценности, из-за которых можно идти на серьёзные обострения со своими компаньонами. Да, возможно, они стоили десятки тысяч, быть может, даже пару сотен тысяч рублей, но в современной России эти деньги всё равно ничего кардинально не решали. Так что он благоразумно промолчал и активно подключился к всеобщему празднованию.

Вечеринка довольно быстро закончилась, поскольку иссякло скромно представленное спиртное, и к тому же пора было двигаться на железнодорожный вокзал. Пока сложили нашу часть добычи в сумки, пока навели относительный порядок в жилище Зацаринного, прошло ещё полчаса. Наконец мы вывалились на улицу, где наши компаньоны дружно выразили желание непременно нас проводить. Поскольку все мы были в хорошем подпитии, пришлось ловить такси. Однако обычные таксисты никак не желали сажать четырёх подозрительных мужиков,

да ещё и с грузом. В результате к достаточно далеко расположенному вокзалу нас доставила грузовая «Газель» обслуживающая местную сеть прачечных.

Уже на станции выяснилось, что самарский поезд недавно ушёл, а до уфимского ещё больше часа. Разумеется, так долго ожидать в полном бездействии наши люди не привыкли. Алексей подхватил наши сумки и повёл в расположенную на железнодорожных задворках кафешку. Потолок в заведении был низок, Официантки – сплошь коротконожки с раскосыми глазами, но работали они на диво оперативно. Не успел я моргнуть и глазом, как перед нами появилась большая тарелка дымящегося плова, лепёшки, какая-то травка и по миске горячего хаша с плавающими в нём маленькими кусочками мяса и весьма приличными хрящами.

И пирушка наша продолжилась с новой силой, тем более, что под конец сервировки был принесён большой стеклянный жбан с некоей жидкостью, красноватого цвета, на поверхности которого плавали не растаявшие кубики льда. Полагая, что вижу какой-то самодельный морс, я плеснул напиток в свой стакан и незамедлительно влил его в себя. Поначалу ледяной холод и необычный вкус сбили меня с толку, но через секунду стало ясно, что в жбане вовсе не прохладительный напиток, а водка, бывшая весьма популярной во времена московской олимпиады. Называлась та водка «Финляндия» и вкус её был такой же характерно кислый.

Короче говоря, под горячий бульон, да под совершенно не мусульманский, но страшно вкусный плов со свининой наша весёлая компания одолела не только этот жбанчик, но и ещё и большую часть дополнительно принесённого графинчика. В результате мы с Михаилом естественным образом опоздали и на поезд из Уфы, после чего долго препирались с кассиршей, пытаюсь поменять билеты на другой поезд. Вообще-то я плоховато помню, что мы там потом вытворяли, в памяти осталось только сцена того, как мы, дико хохоча неизвестно по какому поводу, перебирались через железнодорожные пути под проливным дождём.

Относительно адекватное понимание происходящего пришло только в поезде. За окном вагона стремительно сгущались сумерки, на полке слева беззаботно храпел совершенно невменяемый Воркунов, но лично у меня сна не было ни в одном глазу. Только мутило, а в горле стояла страшная сушь. На столике стояла бутылка «Спрайта» и, хотя я и не слишком жаловал эту жидкую химию, но особо выбирать не приходилось. Налив в стакан немного напитка, я бросил в него сразу две таблетки Алкозельцера и залпом выпил. Довольно быстро и даже как-то неожиданно наступило резкое отрезвление. Общее состояние, конечно же было не из лучших, но всё же вернулась способность здраво мыслить.

Чтобы хоть как-то оживить и скрасить оставшееся до сна время я отправился к проводницам за чаем. Девчата оказались молодые, смешливые и вместо того, чтобы вернуться со стаканом в своё купе, я не менее чем полчаса просидел с ними, неся всякую чушь и угощая их заваливающимися в кармане фисташками. Но всё веселье испортил бригадир поезда, совершенно некстати пришедший с проверкой. Пришлось всё же идти к себе, прихватив почти остывший чаёк. Поставил стакан на столик, я прилёт поверх заранее постеленного белья, прикрыл глаза и словно провалился в неглубокое забытьё. Где-то далеко всё ещё слышался прерывистый стук колёс, и скрип железных суставов поезда, но перед глазами уже поплыли какие-то реальные сцены, перемешанные с совершенно фантастическими видениями.

Представлялось, будто иду я по лесу и вроде даже в небольшой компании, вот только увидеть никого не могу. Голоса слышны позади, а самих фигур не видно. Чем дальше иду, тем ниже становятся деревья в лесу, тем больше между ними широкие прогалы. А вскоре и деревья скрутились в невзрачные кустики, которые буквально на глазах превратились в чахлую травку. Повернулся, ба – от леса и след простыл! Вокруг бугристая, неопрятная равнина, выгибающаяся вверх крутым симметричным бугром. И там, на самой верхушке, возвышалась одинокая фигура в развеваемом на ветру платье. Возникла мысль подойти ближе, спросить хотя бы дорогу...

Странно, правда, идти невесть куда и при этом ещё и спрашивать дорогу у невесть кого. Но странный мой сон такие мелочи в расчёт не принимал, он неумолимо вёл меня вперёд навстречу неизбежной судьбе. Начало подъёма я преодолел легко, но вот последние метры отчего-то давались с невероятным трудом. В последний момент, буквально усилием воли, я всё же преодолел некий незримый Рубикон и поднял до того опущенную голову.

Передо мной стояла невысокая женщина на этакой корявой приступочке из кирпичей, которые мы совсем недавно выбивали из основания бывшей лесной сторожки. Голову её покрывал платок из грубой ткани, который теперь нечасто увидишь даже в деревнях, а на лице было выражение безмерного удивления.

– Куда же ты идёшь? – спросила она меня несильным и как бы надтреснутым голосом.

– Куда, куда? Домой! – только и смог вымолвить я, борясь с непонятной силой, отталкивающей меня прочь от неё.

– Совсем глупые эти москвичи, – покачала та головой, – мозгов как у курицы. Схватят мелочь копейечную и бегут, радуются словно дети малые. Возвращайся назад, твой крест ждёт тебя!

Одновременно с этими словами дама выбросила вперёд руки, как бы отталкивая меня прочь. Хотя, между нами было не менее трёх метров, этого символического жеста оказалось достаточно для того, чтобы тянущая меня назад сила возобладала, и невидимый ураган понёс меня прочь от холма. Жёлтой полосой под ногами пронеслась пустыня, мелькнула зелёная полоска кустарника, деревья преобильно хлестнули по бокам ветвями. От этих ударов меня развернуло вниз лицом и стало видно, куда я лечу. С головокружительной скоростью навстречу моему брэнному телу летело не что-либо ещё, а та бетонная плита, под которой мы столь удачно отыскивали безделушки старой графини.

Чтобы хоть как-то защититься от неизбежного удара, я инстинктивно сжался в комок, но это ничуть не помогло. Сокрушительный пинок потряс меня с головы до ног и от вполне естественного испуга глаза мои распахнулись. Оказалось, что верхняя часть моего тела валяется на полу, в то время как ноги всё ещё пребывают на койке. Чертыхаясь и проклиная все на свете спиртные напитки, я кое-как поднялся на ноги и машинально взглянул на часы. Но в подслеповатом свете железнодорожной лампочки разглядеть что-то было крайне непросто. Поэтому я присел за столик и, глядя на похрапывающего Михаила, принялся вспоминать так неприятно закончившийся сон.

Вообще надо сказать, к снам у меня отношение особое. Не ко всем, разумеется, а только к тем, которые снятся либо во время поисковых работ, либо непосредственно перед ними. Именно в такие периоды что-то происходит, и мне начинают сниться самые настоящие вещи сны. Или я во всех подробностях вижу местность, в которой вскоре окажусь. Либо ощущаю потребность совершения неких неотложных действий и так далее. При этом какой-либо мистики, или бытовой чертовщины я и на дух не приемлю. Видимо в особые периоды жизни весь организм бывалого во всяких переделках поисковика обретает необычайную чувствительность, такую восприимчивость к малейшим проявлениям бытия, что подсознание приходит в крайне возбуждённое состояние. И, конечно же, в тот момент, когда сознание отключается во время сна, подсознание как бы выходит к своеобразной рампе, и демонстрирует всё ранее незамеченное, либо попросту пропущенные факты реально жизни.

Но, что же я пропустил на сей раз, что именно не заметил? О чём вообще был сон? Я двигался по незнакомой местности и со мной кто-то был. Но потом остался один. Шёл к холму, с трудом на него поднимался, меня всё время тащило назад. И тащило назад именно в конце наиболее сильно. Допустим, здесь имеется прямой намёк на последние часы пребывания вблизи Трубечино. По лесопарку мы действительно передвигались все вместе. Но затем, в подполье я действительно некоторое время работал в одиночестве. Причём тогда здесь холм? Может быть, в данном образе зашифрована некая удача в образе вершины? Следовательно,

подъём на вершину можно трактовать как достижение определённой цели. И в самом деле, ведь удача действительно была на нашей стороне, коллекция бронзы успешно обнаружена и извлечена.

Оставалось определиться с концовкой сна и можно было укладываться на боковую. Впрочем концовка была не столь приятна, и это следовало принять как должное. Во-первых, до самой вершины я так и не дошёл, во-вторых, место там занимала какая-то тётка, а в третьих... Тут мои мысли поневоле пошли в самом неблагоприятном направлении. Ведь получалось так, что основной цели я так и не достиг, а непреодолимая сила (поезд) безжалостно и уносит меня от неё. К тому же сокрушительное соударение в конце сна, от которого я слетел на пол, недвусмысленно указывало на то, что я где-то допустил роковую ошибку, которая неминуемо приведёт к неблагоприятным последствиям.

Не знаю, насколько профессиональные толкователи снов были бы согласны с моей интерпретацией, но в эту глухую ночь, наполненную лишь тревожным храпом соседей, да нескончаемым стуком колёс, моя собственная версия показалась наиболее достоверной. То-то у меня чесались руки ещё покопаться в пространстве под ступеньками беседки! Надо было раньше слушать собственные ощущения и предчувствия. А то бросились бежать со всех ног, словно мелкие воришки с колхозного рынка. Точно, что-то осталось не выкопанным. То-то баул и коробка были закопаны так неглубоко! А я-то дурак обрадовался! Ведь если считать похорошему, они ведь были лишь слегка присыпаны землёй! Чёрт!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.